

Нестор Иванович Махно

**Воспоминания. Книга I.
Русская революция на
Украине (от марта 1917
года по апрель 1918 года)**

Русская Февральская революция 1917 года раскрыла все тюрьмы для политических заключенных. Не может быть никакого сомнения в том, что этому содействовали главным образом вышедшие на улицу вооруженные рабочие и крестьяне, частью в синих блузах, частью же переодетые в серые солдатские шинели. Эти революционные труженики требовали проведения в жизнь амнистии в порядке революционных прав и настояли перед социалистами-государственниками, образовавшими в это время вместе с либеральной буржуазией Временное революционное правительство и пытавшимися подчинить революционные события своему уму-разуму, чтобы их требования как можно скорее были осуществлены. Социалист-революционер А. Керенский, как революционный министр юстиции, не замедлил выполнить это требование трудящихся. В течение нескольких дней все политические заключенные были освобождены из тюрем и, таким образом, получили возможность взяться за продолжение своей живой работы среди трудящихся села и города — работы, которая была начата ими в тяжелые годы подполья.

Вместе с этими политическими невольниками, которых царскопомещичье правительство России замуrowало в сырые застенки тюремных казематов с целью вырвать из трудовой семьи передовой элемент и этим убить в ней инициативу вскрывания лжи царскопомещичьего строя и которые теперь снова очутились на свободе в рядах борющихся рабочих и крестьян против самодержавия, был освобожден и я.

Восемь лет и 8 месяцев моего сидения в тюрьме, когда я был закован (как бессрочник) по рукам и ногам, сидения, сопровождавшегося временами тяжелой болезнью, ни на йоту не пошатнуло меня в вере в правоту анархизма, борющегося против государства как формы организации общественности и как формы власти над этой общественностью. Наоборот, во многом мое сидение в тюрьме помогло укрепить и развить мои убеждения, с которыми и за которые я был схвачен властями и замуrowан на всю жизнь в тюрьму.

С убеждением, что свобода, вольный труд, равенство и солидарность торжествуют над рабством под игом государства и капитала, я вышел 2 марта 1917 года из ворот Бутырской тюрьмы. С этим же убеждением я бросился на третий день по выходе из тюрьмы, там же в Москве, в работу Лефортовской анархической группы, ни на минуту не покидая мысли о работе нашей Гуляйпольской группы хлеборобов анархистов-коммунистов, работе, начатой ею одиннадцать-двенадцать лет тому назад и, несмотря на величайшие потери передовых ее членов, продолжающейся, как мне друзья сообщали, и сейчас.

Одно меня угнетало — это отсутствие у меня надлежащего образования и конкретно-положительной подготовки в области социально-политических проблем анархизма. Я глубоко это чувствовал и сознавал. Но еще глубже я сознавал, что в наших анархических рядах эта подготовка отсутствует на 90 процентов. И хотя я находил, что это пагубное явление порождено отсутствием у нас анархической организации и ее школ, однако часто над этим задумывал-

ся.

И лишь надежда на то, что этому будет положен конец, меня бодрила и награждала энергией, ибо я верил, что легальная работа анархистов в захватывающий революционный момент неминуемо приведет их к сознанию необходимости создания своей анархической организации и разработке ее средств, которые помогли бы ей привести все наличные силы анархизма к своим позициям и создать цельное и законченное в своих действиях — в данной революции — анархическое движение. Гигантский рост русской революции меня сразу натолкнул на непоколебимую мысль, что анархическое действие в такие моменты неразрывно должно быть связанным с трудовой массой как наиболее заинтересованной в торжестве свободы и правды, в новых победах, новом, общественном социальном строительстве и в новых человеческих взаимоотношениях.

Таким образом, лелеял я мысль о развитии анархического движения в русской революции, а отсюда и его идейного влияния на результаты ее.

С этим убеждением я спустя три недели после освобождения из тюрьмы вернулся в Гуляйполе, место моего рождения и жительства, где я оставил многих и много дорогого, близкого моему уму и сердцу и где, я чувствовал, смогу сделать кое-что полезное среди крестьян, в семье которых родилась наша группа, которая, несмотря на то, что потеряла две трети своих членов под расстрелами и на эшафотах в далекой холодной Сибири и в скитаниях по границам, все же совсем не умерла. Основное ее ядро все или почти все погибло. Но оно глубоко пустило корни своей идеи среди крестьян не только в Гуляйполе, но и за его пределами. . .

По приезде в Гуляйполе я в тот же день встретился со своими товарищами по группе. Многих уже не было в живых. Те, что пришли ко мне из старых, были: Андрей Семенюта (брат Саши и Прокофия Семенюты), Моисей Калиниченко, Филипп Крат, Савва Махно, братья Прокофий и Григорий Шаровские, Павел Коростелев, Лев Шнайдер, Павел Сокрута, Исидор Лютый, Алексей Марченко и Павел Хундей (Коростылев). Вместе с этими товарищами пришли наши молодые товарищи, которые в то время, когда я был на воле, еще не были в группе. Сейчас они уже по два и по три года находились в нашей группе, занимались чтением анархической литературы, распространением ее среди крестьян. Во все эти годы подполья они выпускали прокламации, печатанные на гектографе.

А сколько пришло крестьян и рабочих ко мне, сочувствующих анархической идее, — их перечислить было нельзя. Правда, я не мог брать их на учет, когда тут же рисовал перед собою планы предстоящей для нашей группы работы.

Я видел перед собой своих друзей-крестьян — этих безымянных революционных анархистов-борцов, которые в своей жизни не знали, что значит обманывать друг друга. Они были чистые крестьянские натуры, которые трудно было убедить в чем-либо, но, раз убедил, раз они тебя поняли и, проверив это

понятое, убедились, что это именно так, они возвышали этот идеал на каждом шагу, всюду, где только представлялась им возможность. Я говорю, видя этих людей перед собой, я весь трепетал от радостных волнений, от душевной бури, которая толкала меня сейчас же, с завтрашнего дня повести по всем кварталам Гуляйполя среди крестьян и рабочих пропаганду, разогнать Общественный комитет (правительственная единица коалиционного правительства), милицию, не допустить организации никаких комитетов и взяться за прямое дело анархизма. . .

В эти дни к нам в Гуляйполе приехал агент от образовавшегося из состава социалистов-революционеров уездного комитета Крестьянского союза — товарищ Крылов-Мартынов с целью организовать в Гуляйполе комитет Крестьянского союза.

Как бывший политический каторжник, он заинтересовался моим житьем-бытьем, встретился со мной и поехал ко мне на квартиру попить чаю и поговорить. А потом он остался у меня до следующего дня.

Тем временем я предложил членам группы подготовить крестьян к завтрашнему сходу-собранию, чтобы на этом собрании положить начало организации Крестьянского союза.

Эсер Крылов-Мартынов — недурной митинговый оратор. Он нарисовал крестьянам красивую картину будущей борьбы социалистов-революционеров в Учредительном собрании (созыв которого предполагался) за передачу земли крестьянам без выкупа. Для этой борьбы нужна поддержка крестьян. Он призывал их организовать в Крестьянский союз и поддерживать партию социалистов-революционеров.

Этот случай был использован мною и целым рядом членов нашей группы крестьян-анархистов. Я говорил:

- Мы, анархисты, согласны с социалистами-революционерами в том, что крестьянам необходимо организовать в Крестьянский союз, но не для того, чтобы поддерживать партию эсеров в ее будущей диалектической борьбе с социал-демократами и кадетами в будущем (если оно будет) Учредительном собрании.

Организация Крестьянского союза необходима для того, с нашей, революционно-анархической точки зрения, чтобы крестьянство влило максимум своих живых, энергичных сил в русло революций, раздвинуло шире ее берега, углубило революцию и, расчистив пути к ее развитию, определило ее конкретную сущность и сделало бы заключительные выводы из этой сущности.

А эти заключительные выводы трудового крестьянства логически окажутся следующими: утверждением того, что трудящиеся массы села и города, на подневольном труде и на искусственно поработанном разуме которых зиждется власть капитала и его слуги, наемного организованного разбойника — государства, могут в своей жизни и борьбе за дальнейшее свое освобождение вполне

обойтись без опеки политических партий и предполагающейся их борьбы в Учредительном собрании.

Трудовое крестьянство и рабочие не должны даже задумываться над Учредительным собранием. Учредительное собрание — враг трудящихся села и города. Будет величайшим преступлением со стороны трудящихся, если они вздумают ожидать от него себе свободы и счастья.

Учредительное собрание — это картежная игра всех политических партий. А спросите кого-либо из посещающих игорные притоны, выходил ли кто из них оттуда необманутым? Никто!

Трудящийся класс — крестьянство и рабочие, которые пошлют в него своих представителей, - в результате будет обманут тоже.

Не об Учредительном собрании и не об организации для поддержки политических партий, в том числе и партии социалистов-революционеров, трудовое крестьянство должно сейчас думать. Нет! Перед крестьянством, как и перед рабочими, стоят вопросы посерьезнее. Они должны готовиться к переходу всех земель, фабрик и заводов в общественное достояние — как основы, на началах которой трудящиеся должны строить новую жизнь.

Гуляйпольский Крестьянский союз, начало которому на этом собрании-митинге мы положим, и займется начальной работой именно в этом направлении . . .

Агента от уездного партийного комитета Крестьянского союза — социалиста-революционера — наше выступление не смутило. Он соглашался и с нами. И в те же дни 28 -29 марта 1917 года было положено начало организации Гуляйпольского Крестьянского союза.

В комитет союза вошло 28 крестьян, среди которых очутился и я, несмотря на то что я просил крестьян мою кандидатуру не выставлять. Я был занят открытием бюро группы и ее декларацией.

Крестьяне на мою просьбу ответили тем, что выставили мою кандидатуру в 4-х участках, и в каждом избрали единогласно. Таким образом, комитет Крестьянского союза был избран.

Председателем комитета крестьяне утвердили меня.

Началась запись членов в союз. В течение четырех-пяти дней записались поголовно все крестьяне, кроме, конечно, собственников-землевладельцев. Эти глашатаи собственности на землю обособлялись от трудовой массы, надеясь сгруппировать свои силы самостоятельно и, притянув к себе невежд из рядов своих батраков, выдержать свой фронт до Учредительного собрания, надеясь, что в последнем их поддержат социал-демократы (Российская социал-демократическая партия в то время еще ревностно отстаивала это право собственности на землю) и они победят . . .

Этот вопрос перед трудовым крестьянством стоял очень остро, потому что земельные секции при Общественном комитете по указаниям центра особо настаивали перед крестьянами, чтобы последние до будущего решения Учре-

дительным собранием вопроса о земельной собственности платили арендную плату за землю помещикам, по уговору с последними. Крестьяне же, наоборот, считали, что с началом революции, в которой они наполовину освободились политически, кончилось рабство и эксплуатация их труда, затрачиваемого ими на бездельников-помещиков.

Вот почему крестьяне, будучи еще плохо организованы и мало подготовлены к всестороннему пониманию сущности отнятия всех земель от помещиков, монастырей и государства и провозглашению их общественным достоянием, настаивали перед членами союза на овладении функциями земельной секции. Здесь крестьяне упорно настаивали, чтобы дела земельной секции были переданы членам группы анархистов-коммунистов. Но мы, члены группы, упростили их таких желаний пока не формулировать во избежание преждевременной вооруженной борьбы с властями из города Александровска (наш уезд). В группе же постановили вести упорную агитацию в Гуляйполе и по району, чтобы крестьяне настаивали перед общественным комитетом на упразднении земельной секции и на том, чтобы не мешали крестьянам организовывать самостоятельные земельные комитеты.

Проповедь этой идеи принята была крестьянством с энтузиазмом. Однако, из центра пришел приказ в Общественный комитет, гласящий, что земельные секции есть часть общественных комитетов и упразднять их строго воспрещается, но нужно переименовать их в земельные отделы^{1*} . . .

Действуя в Общественном комитете по наказу Крестьянского союза, мы добились от Общественного комитета сперва взятия земельного отдела под непосредственное мое руководство. Это был момент, когда при помощи крестьян из союза и самого Общественного комитета, а также и с согласия группы анархистов-коммунистов я стал на время фактически идейным руководителем всего Общественного комитета.

Наша группа стала на этот опасный путь исключительно под моим влиянием. Меня же на это толкнуло то, что я за два месяца революции следил за нашими анархическими журналами и газетами и не видел в них ни тени стремления анархистов создать мощную организацию, чтобы, овладев психологией трудовых масс, выявить свои организаторские способности в развитии и защите начинающейся революции. Я видел свое дорогое, родное движение за эти месяцы по-старому раздробленным на разного рода группировки и задался целью дать ему толчок к объединению в деле революции по почину группы крестьян-анархистов из подневольной деревни. Тем более что в это время я уже серьезно подмечал у наших пропагандистов из городов пренебрежение к деревне.

Первое мая 1917 года. Ровно 10 лет, как я в последний раз участвовал в этом

¹ Далее мы увидим, что земельные отделы после были самим правительством переименованы в земельные комитеты.

рабочем празднике, поэтому я с особым напряжением вел агитацию среди рабочих, солдат пулеметной команды и крестьян для организации его.

Я собрал все документы о том, что делалось за последние числа апреля рабочими по городам, и представил их в группу, чтобы члены подготовили свои комментарии, чтобы проинформировать крестьян, рабочих и солдат.

Командир 8-го сербского полка прислал к нам делегацию, чтобы выяснить наше отношение к желанию полка Сербского государства участвовать вместе с трудящимися Гуляйполя в празднике рабочих. Конечно, мы этому желанию сербского полка не противились. Не противились даже тому, что он выйдет при полном боевом вооружении. Мы надеялись на свои силы, способные разрушить этот полк.

Манифестация началась по улицам Гуляйполя в 9 часов утра. Сборный пункт всех манифестантов — на Ярмарочной площади, ныне площади Жертв Революции.

В скором времени анархисты своим выступлением и информацией о выступлении петроградского пролетариата 18 -22 апреля с требованием к правительству удалить 10 министров-капиталистов и передать всю власть Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, о выступлении, которое силою оружия было подавлено, превратило манифестацию в демонстрацию против Временного правительства и всех социалистов, участвовавших в нем.

Командир 8-го сербского полка в спешном порядке увел полк по месту жительства. Часть пулеметной команды заявила себя солидарной с анархистами и влилась в ряды демонстрантов.

Демонстранты были настолько многочисленны, что их шествию не видно было конца. После того, когда вынесли резолюцию «Долой правительство и все партии, стремящиеся нам навязать этот позор. . .» и двинулись по улицам с песней марша анархистов, они проходили несколько часов непрерывными рядами в 5 -8 человек.

Настроение было настолько приподнято и направлено против правительства и его агентов, что политиканы из Общественного комитета, офицеры из пулеметной команды, за исключением двух любимцев солдатской массы — анархистствующего Шевченка и артиста Богдановича, ВСЕ попрятались в штабе сербского полка, а милиция, которая за все время своего существования никого еще не арестовывала, разбежалась из Гуляйполя.

Анархисты сделали доклад массе демонстрантов о чикагских мучениках-анархистах. Демонстранты почтили их память коленопреклонением и попросили анархистов вести их сейчас же в бой против правительства, всех его агентов и буржуазии.

Однако день прошел без эксцессов.

То было время, когда власти из Александровска и Екатеринослава обратили уже свое внимание на Гуляйполе и не прочь были вызвать его преждевременно к бою.

Весь май прошёл в напряженной работе на съездах крестьян в Гуляйполе и Александровске.

На александровском съезде я сделал доклад о том, что трудовое крестьянство Гуляйпольской волости не доверяет дела революции общественным комитетам и взяло комитет под свой контроль. Поясним, в каком порядке.

Делегаты от крестьян на этом съезде, приветствуя гуляйпольских крестьян, обещали у себя на местах проделать то же самое. Присутствовавшие на съезде эсеры были довольны, но эсдеки и кадеты подчеркнули съезду, что акт крестьян Гуляйполя по отношению к общественным комитетам идет вразрез с политикой общего в стране нового правительства, что это, дескать, пагубно для дела революции, так как такой контроль над установленными территориальными единицами — общественными комитетами — крестьянской организации обезличивает физиономию правительственной власти на местах.

Кто-то из крестьян выкрикнул: «Совершенно верно! Мы поэтому-то будем стараться у себя на местах обезличивать общественные комитеты в области их правительственных замашек до тех пор, пока не преобразуем их в нашем духе и понимании нашего права на свободу и независимость в деле отобрания у помещиков земли».

Этого заявления из рядов крестьянских делегатов достаточно было, чтобы эсдеки и кадеты умиротворились. В противном случае делегаты от крестьян покинули бы зал заседания. А им оставаться в пустом зале было стыдно. Они в этот период революции еще надеялись преодолеть революционное настроение трудящихся.

Этот съезд в Александровске кончился тем, что вынес резолюцию о переходе земли в пользование трудового общества без выкупа и избрал уездный комитет. Эсеры радовались, эсдеки и кадеты злились, а делегаты от крестьян, разъезжаясь по своим местам, советовались, чтобы организовать на местах самим, без помощи этих политических «гавкунов», чтобы объединиться селу с селом и повести вооруженный поход против помещиков. Иначе, говорили они между собой, революция погибнет и мы останемся опять без земли. . .

А когда я и Шрамко возвратились с уездного александровского съезда и доложили Крестьянскому союзу Гуляйпольского района о его результатах, то крестьяне очень сожалели, что послали нас на этот съезд, говоря: «Лучше было бы нам не участвовать на этом съезде, а созвать свой съезд у себя в Гуляйполе от волостей Александровского уезда. Мы уверены, что здесь подвинули бы вопрос о земле и захвате ее в общественное пользование скорее к цели. Однако делать нечего, надеемся, что наш Гуляйпольский комитет Крестьянского союза ознакомит всех крестьян не только Александровского уезда, но и прилегающих к нему Павлоградского, Мариупольского, Бердянського и Мелитопольского с нашей позицией в этом вопросе, чтобы, таким образом, в Александровске знали, что резолюции мы очень недолюбливаем. Нам нужно живое дело».

Это заявление крестьян родило декларацию Гуляйпольского Крестьянского

союза, гласившую, что «трудовое крестьянство Гуляйпольского района считает своим неотъемлемым правом провозгласить помещичьи, монастырские и государственные земли общественным достоянием» и провести это провозглашение в недалеком будущем в жизнь. В заключение призывалось (особой листовкой) все трудовое крестьянство подготовиться к этому акту справедливости и проводить его в жизнь.

Этот голос гуляйпольских крестьян был услышан далеко за пределами Екатеринославской губернии. После этого начали стекаться в Гуляйполе делегации от крестьянских деревень, не принадлежавших Екатеринославской губернии, на совещание. Тяга растянулась на целые недели. Мне лично как руководителю Крестьянского союза делегации не давали никакого отдыха . . .

В первых числах июня анархисты из города Александровска пригласили меня на конференцию по объединению всех александровских анархистов в федерацию. В тот же день я выехал в Александровск помочь товарищам сговориться. Александровские анархисты все были рабочими физического и умственного труда. По названию они делились на анархо-коммунистов и анархо-индивидуалистов, но в действительности все они были революционные анархо-коммунисты. Всех я их любил, как своих близких, родных, дорогих, и, как мог, старался им помочь организовать в федерацию. Они организовались, начали организовывать рабочих и одно время имели на них большое идейное влияние.

Когда я возвратился из Александровска, рабочие Гуляйпольского союза металлистов и деревообделочников пригласили меня помочь им поставить союз на ноги и записаться самому в него. А когда я сделал это, они попросили меня руководить предстоящей забастовкой.

Теперь я был совершенно поглощен, с одной стороны, делами Крестьянского союза, с другой — рабочими. Однако среди рабочих были товарищи, которые в деле производства лучше меня понимали, и это меня радовало. Я взялся руководить забастовкой, надеясь перетянуть этих славных товарищей за это время к нам в группу. Один из этих товарищей — Антонов — был эсер по убеждениям. Другие — беспартийные. Из этих беспартийных особо энергичными были Серегин и Миронов.

Прежде чем начать забастовку, рабочие обоих чугунолитейных заводов, всех мельниц, всех кустарных, слесарных, кузнечных и столярных мастерских устроили совещание. Оно закончилось тем, что мне предложили взять на себя выработку их требований и предъявить их через совет профсоюза хозяевам предприятий. Во время этого совещания рабочих и выработки их требований я выяснил, что товарищи Антонов, Серегин и Миронов давно анархисты, работают в заводских комитетах. Первый, Антонов, сейчас избран в Совет рабочих депутатов председателем. Но они не вошли в группу только потому, что завалены работой на заводах. Конечно, я был против этого. Я с первых же дней приезда с каторги в Гуляй-поле настаивал перед группой своих товарищей,

чтобы группа всегда была в курсе дела работы своих членов среди крестьян, и я настоятельно просил этих товарищей сейчас же войти в группу и в дальнейшем согласовывать свою работу в заводских комитетах и вообще среди рабочих. Товарищи вошли в группу, и мне вместе с ними пришлось созывать хозяев всех предприятий и предъявлять им требования рабочих в двух пунктах: набавить плату в 80 и 100 процентов.

Такое требование рабочих вызвало целую бурю среди хозяев и категорический отказ набавлять плату в таких процентах. Мы им дали один день на размышление. В это время рабочие продолжали свою работу у станков. Через день хозяева пришли к нам в совет профсоюза со своими контрпредложениями в 35-40 процентов. Мы, уполномоченные рабочих, приняли это за наглое оскорбление и предложили им подумать еще один день. Хозяева и некоторые из их уполномоченных, знавшие статуты профсоюзов назубок, да к тому же социалисты по убеждениям, имевшие за спинами власть из центра, разошлись, уверив нас в том, что с большими, чем намеченные ими проценты, они и завтра придут к нам. Мы вызвали членов заводских комитетов и представителей от рабочих кустарных мастерских и обсуждали вопрос о подготовке рабочих к одновременному прекращению работы как раз в тот час, когда хозяева завтра придут к нам в совет профсоюза и, не принеся новых предложений, уйдут от нас. Совет профсоюза должен был посадить своего человека на телефонную станцию для немедленной внеочередной связи всех телефонов предприятий с моим телефоном для предупреждения рабочих, чтобы хозяева, не подписав нашего требования, возвратясь из совета профсоюза, были встречены демонстрациями прекративших работу рабочих.

Я тут же предложил членам совета профсоюза и заводских комитетов план экспроприации всех денежных касс, имеющихся в предприятиях и в Гуляйпольском банке. Я был убежден, что предприятий мы в своих руках не удержим, даже располагая денежной суммой на первое время. К нам сейчас же уездный и губернский общественные комитеты и правительственные комиссары пошлют войска, которые, для того чтобы их не послали на внешний фронт против Германии, пожелают выслужиться перед властями внутри страны и расстреляют лучшие кадры тружеников, и меня первого из них. Но я считал важным дать идее экспроприации общественных предприятий у капиталистов практический толчок вперед теперь же, когда Временное правительство еще не успело совсем обуздать массу трудящихся и направить ее по контрреволюционному пути.

Однако большинство членов профсоюза и заводских комитетов убедительно просили меня воздержаться от предложения рабочей массе этого проекта, так как мы, дескать, к этому сами еще не подготовлены как следует. Мы только оскверним этот справедливый акт трудящихся и тем самым лишим рабочих возможности провести его в жизнь, когда мы их и себя основательно к этому подготовим.

В результате откровенных бесед групповики тоже пришли к тому, что, проведя мои предложения в жизнь сейчас, когда крестьянство практически не может поддержать рабочих с своей стороны экспроприацией земель у помещиков до сбора хлеба, мы сделаем непоправимый шаг в этой области.

Эти доводы поколебали меня, и я не стал настаивать на своем предложении экспроприировать сейчас же заводы и мастерские, но я упорно настаивал на том, чтобы это мое предложение было взято за основу работы заводских комитетов по подготовке рабочих к проведению экспроприации в жизнь в недалеком будущем. Уверяя товарищей рабочих, что крестьяне над этим вопросом тоже думают, мы должны отдать все свои силы, чтобы их думы согласовать с думами рабочих и сочетать их в жизненной практике.

Предложение мое было принято. И с того времени меня все рабочие избрали председателем профессионального союза и больничной кассы, специально подобрав мне в помощники товарища Антонова, который мог ввиду перегрузки работой в других организациях заменять меня.

Также и крестьяне подобрали мне товарища, который бы заменял меня. Но всегда те и другие просили, чтобы инициативно-руководящие нити во всех этих организациях находились в моих руках.

Пришли к нам опять в совет профессионального союза хозяева заводов, мельниц и кустарных мастерских. Пришли со вчерашними мнениями и желаниями. В результате двухчасовой обоюдной беседы они расщедрились и изъявили свое согласие набавить рабочим плату на 45 -60 процентов. На этом я, как председатель совещания, заявил им, что переговоры между нами кончены. «Совет профессионального союза уполномочил меня взять под свое руководство все управляемые вами, граждане, но по праву не принадлежащие вам общественные предприятия и иметь с вами дело на улице, на месте каждого предприятия. Собрание закрываю!»

Я собрал все свои протоколы и направился к телефону. В это время хозяин самого большого завода в Гуляйполе Борис Михайлович Кернер схватывается с места и кричит: «Нестор Иванович, вы поспешили закрыть наше собрание. Я считаю, что требование рабочих вполне правильно. Они имеют право на то, чтобы мы его удовлетворили, и я подпишу свое согласие на это. . . .»

Другие хозяева, в особенности их уполномоченные, возмущенно крикнули: «Что вы, Борис Михайлович, делаете?!»

- Нет, нет, господа, вы как хотите, а я обязуюсь удовлетворить требование моих рабочих, — ответил им Б. Кернер.

Я попросил их всех успокоиться, призвал к порядку и спросил:

- Граждане, вы придерживаетесь порядка и законности, а будет ли законным возобновить наше заседание опять по тому же вопросу, из-за которого оно закрыто?

- Конечно, конечно! — раздались голоса хозяев и их уполномоченных.
- Тогда я считаю заседание открытым и предлагаю вам всем подписать текст условий о надбавке платы рабочим в 100 и 80 процентов.

Говоря им о подготовленных текстах условий и подавая тексты, чувствую, что теряю от усталости и нервности равновесие. Опасаясь, что не устою на ногах, я поручаю товарищу Миронову занять мое место и выхожу в другой зал передохнуть.

Через полчаса я возвратился в залу заседаний. Хозяева начали подписывать предложенные мною тексты условий. А когда подписали и вышли из залы совета профсоюза, я сел у телефона и передал по всем предприятиям товарищам рабочим об успехе наших переговоров с хозяевами, о принятии наших требований и советовал до вечера оставаться у станков. А вечером члены совета профсоюза придут и сделают подробные доклады о нашем общем успехе. . . .

С этого же времени рабочие в Гуляйполе и в районе подготовились и взяли все предприятия, в которых работали, под свой строго организованный контроль, изучая хозяйственно-административную сторону дела, начали подготавливаться ко взятию этих общественных предприятий в свое непосредственное ведение.

И с этого же времени на Гуляйполе обратили свое особое внимание Екатеринославский общественный комитет, шовинистическая Селяньска спилка^{2*} и Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а также промышленный областной комитет, не говоря уже об александровских организациях, в которых агенты коалиционного правительства господствовали. Участилось из этих мест появление в Гуляйполе инструкторов, организаторов и пропагандистов.

Но уезжали они из Гуляйполя всегда без резолюций и побежденные действием крестьян и рабочих-анархистов.

Перейдем к Общественному комитету и разберемся в том, что мы, делегаты от Крестьянского союза, пользуясь его авторитетностью в данном районе, сделали.

Первое — это то, что, овладев функциями земельного отдела, мы постарались, чтобы продовольственный отдел тоже представил из себя отдельную единицу. А далее, когда одно время я фактически овладел всем Общественным комитетом, я и ряд других товарищей из Общественного комитета настояли, чтоб милиция была упразднена, и когда по случаю нажима из центра нам это не удалось, то провели лишение прав милиции самостоятельных арестов и обысков и этим свели ее роль на разносчиков пакетов от Общественного комитета по району. Далее, я созвал всех помещиков и кулаков и отобрал от них все бумажные сделки о приобретении ими земли в собственность. По этим до-

² Селяньска спилка — Крестьянский союз.

кументам земельный отдел произвел точный учет всему земельному богатству, каким располагали помещики и кулаки в своей праздной жизни.

Организовали при Совете рабочих и крестьянских депутатов комитет батраков и создали батрацкое движение против помещиков и кулаков, живущих их трудом.

Установили фактический контроль батраков над помещичьими и кулацкими именьями и хуторами, подготавливая батраков к присоединению к крестьянам и совместному действию в деле экспроприации всего богатства одиночек и провозглашению его общим достоянием трудящихся.

После всего этого я лично уже не интересовался Общественным комитетом как единицей, через которую в рамках существующего порядка можно было еще что-нибудь легально сделать полезного для поддержания роста революций среди тружеников подневольной деревни. . .

Местами крестьянство, сбитое с толку в справедливых стремлениях, собирает последние гроши на уплату грабителям-собственникам-землевладельцам, поддерживаемым церковью, государством и его наемным слугою — правительством.

Но даже эти введенные в заблуждение крестьяне не теряют надежды на победу над своими врагами. Они с большим вниманием прислушиваются к зову крестьянской группы анархо-коммунистов и своего союза: не теряться и мужественно подготавливаться к последней схватке с врагом.

Вот что я говорил в эти дни на многотысячном сходе-собрании крестьян и рабочих Гуляйполя, руководствуясь основной мыслью призыва группы анархо-коммунистов и Крестьянского союза:

«Трудящиеся крестьяне, рабочие и стоящая в стороне от нас интеллигенция! Все ли мы видим то, как организовалась в процессе четырехмесячного развития революции буржуазия, как умело она втянула в свои ряды социалистов и как прилежно они ей служат? Если то, как убаюкивают крестьян убеждением платить даже в дни революции арендную плату собственникам-землевладельцам, как мы это видим теперь, не может быть достаточным доказательством сказанного о буржуазии и о ее прислужниках социалистах, то вот, товарищи, другое, что с большей отчетливостью подтверждает неоспоримые факты.

Третьего июля петроградский пролетариат восстал против Временного правительства, которое во имя прав буржуазии стремится задавить революцию. С этой целью правительство разгромило ряд земельных комитетов на Урале, действовавших революционно против буржуазии. Члены их попали в тюрьму. С этой целью у нас на наших глазах агенты правительства — социалисты — убеждают крестьян платить помещикам за аренду земли. От третьего и по пятое июля на улицах Петрограда льется кровь наших братьев рабочих. Социалисты непосредственно участвуют в пролитии этой крови» . . .

После меня выступил украинский социалист-революционер и призвал тружеников Гуляйполя вспомнить о том, что, в противовес «подлому Временному

правительству в Петрограде, в Киеве организовали «наше» украинское правительство в лице Центральной рады. Оно истинно революционно, единственно способно и правомочно на украинской земле восстановить свободу и счастливую жизнь для украинского народа». В заключение он воскликнул:

- Геть кацапів з нашої землі! Смерть цим гнобителям нашої рідної мови!

На рідній землі хай живе «наша» влада — Центральна рада та її секретаріат!..

Но труженики Гуляйполя были глухи к призыву украинского «социал-революционера». Они мало того что закричали ему единогласно: «Долой с трибуны! Не нужно нам и твоего правительства!» Они еще и вынесли такую резолюцию:

«Преклоняемся перед храбростью павших в борьбе с Временным правительством 3 -5 июля рабочих борцов. Мы, крестьяне и рабочие Гуляйполя, этого правительственного злодеяния не забудем. . . Пока же шлем ему, а заодно и киевскому правительству в лице Центральной рады и ее секретариата смерть и проклятие как злейшим врагам нашей свободы».

В это же время мы получили сведения о том, что П. А. Кропоткин уже в Петрограде. До сих пор в газетах писали об этом, но мы, крестьяне-анархисты, не слыша его мощного призыва к анархистам и конкретных указаний, руководствуясь которыми анархисты начали бы группироваться, и приводя в порядок разрозненные силы своего движения, занимая организованно свои революционно-боевые позиции в революции, мы не доверяли газетам. Теперь же мы получили газеты и письма из Петрограда, указывающие, что П. А. Кропоткин перенес в пути из Лондона в Россию болезнь, но доехал благополучно до самого сердца революции — Петрограда. Нам сообщали, как его встретили социалисты, стоявшие у власти, во главе с А. Керенским.

Радость в рядах нашей группы неопишуемая. Собрали общее заседание группы, которое посвятили исключительно разбору предположений, что скажет нам старик Петр Алексеевич.

И все пришли к одному выводу: Петр Алексеевич укажет конкретные пути для организации нашего движения в деревне. Он слишком чуток, от него не ускользнет теперешняя насущная потребность в наших силах для революционной деревни. Как истинный вождь анархизма, он не пропустит этого редкого в истории России случая, воспользуется своим идейным влиянием на анархистов и их группы и поспешит конкретно формулировать те положения революционного анархизма, которыми анархисты должны заняться в нашей революции.

Я составил письмо-приветствие от имени гуляйпольской крестьянской группы анархо-коммунистов и не помню точно, но, кажется, отослал его Петру Алексеевичу через редакцию газеты «Буревестник».

В этом письме-приветствии наша группа приветствовала Петра Алексеевича и поздравляла его с благополучным возвращением на родину, выражая уверенность, что родина в лице лучших своих людей ждала его как неумолимо-

го борца за идеи высшей справедливости, которые не могли не оказать своего влияния на подготовку и свершение русской революции. . .

Подпись была: «Группа украинских анархистов-коммунистов в селе Гуляйполе Екатеринославской губернии».

На наше скромное письмо-приветствие мы ответа не ждали. Но ответа на вопросы момента мы ждали с каким-то особым напряжением; с чувством сознания, что без него мы потратим много сил и может оказаться, что напрасно, может оказаться, что то, чего мы ищем, не ищется другими группами или ищется, но в совершенно другом направлении. А подневольная деревня, казалось нам, ставит прямо вопрос: где тот путь и средства, чтобы завладеть землей и без власти над собой заняться выживанием из своего тела паразитов, ничего не производящих, живущих в довольстве и роскоши.

Ответ на этот вопрос Петр Алексеевич дал в своем труде «Хлеб и воля». Но массы этого труда раньше не читали. Его читали одиночки из масс. Теперь такой труд массе читать некогда. Теперь ей нужно услышать на простом, живом и сильном языке самое конкретное из «Хлеба и воли», чтобы она не погружалась в косное раздумье, а поняла бы сразу и получила руководящую нить для своих действий. Но кто скажет все это ей простым, живым и сильным языком?

Анархист-пропагандист и организатор, и только он!

Но, положа руку на сердце, говорил я: были ли когда вообще у него в России и на Украине анархистские пропагандистские школы? Я такого случая не знаю. Но если они и были, то, спрашивается, где же вышедшие из них передовые наши борцы? Я второй раз объезжаю несколько районов в нескольких уездах, административно принадлежащих к одной губернии, и не встречаю ни одного случая, где бы крестьяне на мои вопросы: «Были ли у вас ораторы из анархистов?» — ответили бы: «Были». Везде отвечали: «Никогда не были. Очень рады и благодарим, что вы нас не забываете. . .»

В период этих ожиданий подошло время губернского съезда Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов и Крестьянского союза.

Был созван съезд Крестьянского союза в Гуляйполе. Обсудили повестку дня губернского съезда. Над вопросом о реорганизации крестьянских союзов в крестьянские советы долго думали и в конце концов решили послать от себя делегата на губернский съезд. От крестьян уполномочили делегатом меня, от рабочих — товарища Серегина. С особой радостью ехал я в Екатеринослав, надеясь побывать в федерации анархистов, лично поговорить обо всем, что нашу группу в целом интересует (а интересовало ее больше всего вот что: почему из города нет анархистских агитаторов по деревням?).

Умышленно я выехал на съезд днем раньше. С вокзала еду прямо в киоск федерации. Застаю в нем секретаря — Молчанского. Одессит, старый товарищ. Знаем друг друга еще с каторги. Радость, обнимаемся, целуемся.

Я тотчас же обрушился на него: что они делают по городам? Почему не разъезжают с целью организации по всей губернии?

Товарищ Молчанский со свойственной ему манерой волнуется, разводит руками, говорит: «Брат, сил нет. Мы слабы. Мы только-только сгруппировались здесь и еле обслуживаем рабочих на здешних заводах и солдат по казармам. Мы надеемся, что со временем наши силы разовьются, и тогда мы теснее свяжемся с вами в деревне и начнем работу более энергичную по деревням» . . .

Долго мы после этого сидели молча и глядели друг на друга, погрузившись каждый в себя и в будущее нашего движения в революции. . . А затем Молчанский начал успокаивать меня, уверяя, что в недалеком будущем в Екатеринослав приедут Рогдаев, Роцин, Аршинов и ряд других товарищей, нам не известных. Наша работа будет переброшена в деревню. Затем он повел меня в клуб федерации, который раньше назывался Английским клубом.

Там я застал много товарищей. Одни спорили о революции, другие читали, третьи ели. Словом, застал «анархическое» общество, которое по традиции не признавало никакой власти и порядка в своем общественном помещении, не учитывало никаких моментов для революционной пропаганды среди широких трудовых масс, так остро в этой пропаганде нуждавшихся.

Тогда я спросил себя: для чего они отняли у буржуазии такое роскошное по обстановке и большое здание? Для чего оно им, когда здесь, среди этой кричащей толпы, нет никакого порядка даже в криках, которыми они разрешают ряд важнейших проблем революции, когда зал не подметен, во многих местах стулья опрокинуты, на большом столе, покрытом роскошным бархатом, валяются куски хлеба, головки селедков, обглоданные кости?

Я смотрел на все это и болел душой. В это время в залу вошел Ив. Тарасюк (он же Кабась), заместитель секретаря Молчанского. Он с болью и возмущением сперва тихо, а затем чуть не во весь голос закричал: «Кто ел на столе, уберите!» . . . Сам начал подымать опрокинутые стулья. . .

Быстро всё со стола было убрано, и взялись подметать залу. Из клуба я возвратился опять в киоск федерации, подобрал ряд брошюр себе для Гуляйполя и хотел было уходить в бюро по созыву съезда для получения бесплатного номера на время работ съезда, как в киоск зашла молодая барышня, оказавшаяся товарищем. Она просила товарищей пойти с нею в зимний городской театр и поддержать ее в выступлении перед рабочей аудиторией против увлекающего рабочих социал-демократа «Нила». Но присутствующие товарищи ей сказали, что они заняты. Она ни слова больше никому не сказала, повернулась и ушла.

Товарищ Молчанский спросил меня: «Ты с нею знаком? Это — славный и энергичный товарищ». Я в ту же минуту бросил киоск и нагнал ее. Предложил ей идти вместе на митинг, но она мне ответила: «Если не будете выступать, то вы мне не нужны там». Я обещал ей, что выступлю.

Тогда она взяла меня за руку и мы ускорили шаги по дороге в Зимний театр. Этот юный и милейший товарищ рассказала мне по дороге, что она всего три года как сделалась анархисткой. Это ей трудно далось. Она около двух лет чита-

ла Кропоткина и Бакунина. Теперь почувствовала, что прочитанные ею труды помогли сложиться ее убеждениям. Она их полюбила и во имя их работает. До июля она выступала перед рабочими, но боялась выступить против врагов анархизма — социал-демократов. В июле на одном из митингов в сквере она выступала против социал-демократа «Нила». Он ее хорошо отстегал. «Теперь я, — говорила она, — собралась с силами попробовать вторично выступить против этого «Нила». Это — агитаторская звезда в центре социал-демократов».

На митинге я выступил против знаменитого «Нила» под псевдонимом «Скромный» (мой псевдоним с каторги). Говорил скверно, хотя по уверению товарища «это было очень удачно, только что волновался».

Мой же товарищ, юный и энергичный, завоевала весь зал своим нежным, но сильным ораторским голосом: аудитория была восхищена этим голосом, и мертвая тишина, когда слушали то, что она говорила, сменялась бурными рукоплесканиями и громовыми криками: «Правильно, правильно, товарищ!»

Товарищ говорила недолго, 43 минуты, но настолько возбудила массу слушателей против положений, высказанных «Нилом», что когда последний вышел оппонировать всем против него выступавшим, зал закричал: «Неверно! Не забивайте нам головы неправдой. Правильно говорили нам анархисты. Вы говорите неправду. . .»

Когда мы возвращались с митинга, нас собралось уже несколько товарищей вместе. Наш юный товарищ говорила мне: «Вы, знаете, товарищ «Скромный», что этот «Нил» своим влиянием на рабочих до сих пор меня с ума сводил, и я задалась целью во что бы то ни стало убить его влияние на рабочих. Меня стесняло на этом пути лишь одно: я слишком молода. Рабочие относятся к старым товарищам более доверчиво. Боюсь, что это мне мешает выполнить свой долг перед рабочими. . .»

Кроме здоровья и лучших успехов ей в деле революционного анархизма, я ничего больше пожелать не мог. Мы распрощались и разошлись, обещая на другой день встретиться и поговорить о Гуляйполе, о котором она слыхала много хорошего.

Из-за митинга я опоздал в бюро по созыву съезда и не достал бумажки на номер в отеле. Ночевал я в номере товарища Серегина.

Губернский съезд постановил реорганизовать все крестьянские союзы в советы на местах. Это было единственно новым для Гуляйпольского района вопросом из всех вопросов повестки губернского съезда 5 -7 августа 1917 года.

По возвращении нашем со съезда и после ряда докладов о нем Гуляйпольский Крестьянский союз был реорганизован в Крестьянский совет. Он не изменил ни своей декларации, ни методов борьбы, к которой усиленно подготавливал крестьян. Его призыв к рабочим изгнать хозяев фабрик и заводов и ликвидировать их права собственности на общественные предприятия усилился.

За это время, пока мы были заняты формальным переименованием союза в совет, в Москве 14 августа открылось Всероссийское демократическое сове-

шание, и на его трибуне показался уважаемый, дорогой наш старик — Петр Алексеевич Кропоткин.

Гуляйпольская группа анархистов-коммунистов остолбенела, несмотря на то что глубоко сознавала, что нашему старику, так много работавшему в жизни, постоянно гонимому на чужбине и теперь возвратившемуся на родину и занятому в старческие годы исключительно гуманными идеями жизни и борьбы человечества, неудобно было отказаться от участия в этом Демократическом совещании. Но эти соображения отходили на задний план перед тем трагическим моментом революции, который понемногу должен был наступить после совещания. Мы в душе осудили своего старика за его участие в этом совещании, думая, что он из бывшего учителя революционной анархии превращается в сентиментального старца, ищущего спокойствия и сил для последнего применения своих знаний в жизни. Но этот суд над Петром Алексеевичем был внутри самой группы, в ее душе, замкнутой для врагов. Происходило это потому, что глубоко, в самых тайниках души группы, Петр Алексеевич оставался великим и сильным теоретиком анархизма. Это подсказало нам, что, не сломи его физически время, он стал бы перед русской революцией практическим вождем анархизма. Правы ли мы в этом или нет, но на тему его участия во Всероссийском демократическом совещании в Москве мы никогда не вступали в спор со своими политическими врагами. . .

Итак, мы с замиранием души прислушивались к тому, что скажет Петр Алексеевич. Мы не теряли веры, что он останется навсегда близким, дорогим нашим стариком, но момент революции зовет нас в свою сторону. В силу ряда причин чисто искусственного характера в революции замечается застой. На нее надевается петля всеми политическими партиями, участвующими во Временном правительстве. А ведь они, все эти партии, шаг за шагом все прочнее и решительнее приходят в себя и становятся грозной силой контрреволюции. . .

Может ли наша группа теперь, после семимесячного наблюдения за нашим движением по городам, сомневаться в том, что многочисленные деятели его не знают своей роли и этим угнетают движение, не дают ему высвободиться из традиционных форм дезорганизованности и превратиться из группового в массовое движение? Конечно, нет! Поэтому группа взялась с еще большей энергией за точное определение неразрешенных нашим анархическим движением вопросов, как, например, вопрос о согласовании деятельности групп между собой в развертывающихся событиях. Он смело и полностью не был сформулирован ни одной федерацией анархистов в русской Февральской революции, хотя каждая федерация и выпускала свои декларации и намечала новые положения для своей деятельности.

Так, мечась в своем стремлении отыскать то большое, что она могла найти в трудах по анархизму Бакунина, Кропоткина и Малатесты, группа пришла к тому, что мы, крестьянская группа анархистов-коммунистов в Гуляйполе, не можем ни подражать нашему движению в городах, ни прислушиваться к его

голосу. Мы самостоятельно должны разобраться в этом тревожном моменте революции и самостоятельно помочь подневольной деревне правильно ориентироваться в ней, чтобы политические партии не пошатнули в ней веры, что именно она, а не партии со своим правительством явится прямым творцом революции в деревне и что от нее самой зависит видоизменить характер и темп течения этой революции. И группа растворилась среди тружеников подневольной деревни, оставив лишь инициативное и посредническое бюро; и словом, и делом она помогала трудящейся массе разобраться в моменте и придать своей борьбе большую решительность. . . .

Так мы подошли к дням, когда наша тоска и боль о тревожном моменте революции оправдались целиком. Пришли вести от самого Временного правительства и от Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов из Петрограда, что главнокомандующий внешним фронтом генерал Корнилов снял верные ему дивизии войск с фронта и движется на Петроград с целью ликвидации революции и ее завоеваний. То было 29 августа 1917 года. К нам в Гуляйполе приехала анархистка из Александровска М. Никифорова и проводила крестьянский митинг под моим предводительством. Рассыльный телеграмм подал мне пакетик, в котором я прочел эту весть о движении генерала Корнилова.

Я остановил оратора и произнес коротенькую речь о совершающейся казни над революцией, а затем прочел две телеграммы правительства и Всероссийского Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов.

Весть эта произвела тяжелое впечатление на присутствующих на митинге крестьян и рабочих. Волнение, видно, было, и крестьяне и рабочие подавляли в себе, но кто-то крикнул из толпы: «Там льется уже кровь наших братьев, а здесь контрреволюционеры свободно расхаживают среди нас и смеются!» — и указано было на стоявшего среди крестьян и рабочих бывшего гуляй-польского полицейского пристава Иванова. Анархистка Никифорова соскочила с трибуны и арестовала его. В толпе шум и ругательства по его адресу.

Но я подскочил к Никифоровой и к Иванову, окруженным уже рядом товарищей из группы и Крестьянского совета, и настоял, чтобы сейчас же пристав отпустили, попросил его не волноваться, так как его никто не тронет, и тут же взобрался снова на трибуну и сказал крестьянам и рабочим, что наша борьба по защите революции должна начаться не с убийства бывших приставов, которые, как, например, Иванов, сдались без сопротивления в первые дни революции и не скрываются. За ними — самое большое — мы можем только наблюдать. Наша борьба должна выразиться в более серьезном; в чем именно, я воздержусь сейчас говорить, так как спешу на заседание Крестьянского совета вместе с рабочими и группой анархо-коммунистов, но после него обещаю сейчас же прийти сюда в сад и объяснить свою мысль. . . .

Когда я пришел в совет, все были в сборе. Мы открыли заседание, в котором

прочли телеграммы и заслушали мой доклад о том, за что нам нужно прежде всего взяться сейчас и через какую именно организацию. Последний вопрос был вызван тем, что в телеграмме ВЦИКа Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов предлагалось организовать на местах комитеты спасения революции.

Собрание выделило из своего состава этот комитет, выразив желание, чтобы он назывался Комитетом защиты революции, и поручило мне руководить его работой.

Мы, члены этой наспех сколоченной организации, собрались тут же и постановили взяться за разоружение всей буржуазии в районе и ликвидацию ее прав на богатства народа: на землю, фабрики, заводы, типографии, помещения театров, колизеев, кинематографов и других видов общественных предприятий.

Мы считали, что это единственный и верный путь и для ликвидации движения генерала Корнилова, и для ликвидации прав буржуазии на господство и привилегии над трудовыми массами.

В то время как мы устраивали объединенное заседание, а затем заседание выделившегося из него Комитета спасения революции (что заняло около пяти часов), массы трудящихся ждали, когда я освобожусь и возвращусь к ним заканчивать свою речь о защите революции.

Когда я наконец пришел, все члены совета группы анархо-коммунистов, кое-кто из рабочего профсоюза прогуливались по улицам с винтовками и простыми ружьями-дробовиками за плечами. Гуляйполе превращалось в военно-революционный лагерь.

Я вошел в ворота сада и проходной аллеей подошел к площадке, где была трибуна. Крестьяне и рабочие группами разошлись по саду и оживленно обменивались между собою мнениями о встревожившей их вести. Теперь они быстро сходились ко мне с возгласами: «Ну что, вы свободны уже? Можете закончить то, о чем начали говорить, та оті недобрі телеграммы помішали!»

Я поднялся на трибуну беспомощный, сил не было: устал, потому что все дни ездил по району. Думал, в воскресенье ограничусь одним митингом в Гуляйполе, а потом отдохну. Но тревожные телеграммы (крестьяне их называли «недобрыми») дали работу новую.

Заканчивая свою мысль о защите революции, я пояснил, что никто, кроме них самих, не защитит и не разовьет ее. Революция — их прямое Дело, и они должны быть ее смелыми носителями и истинными революционными защитниками. Сказал также, к какому решению мы пришли на заседании, что выделили Комитет защиты революции, и не только от движения генерала Корнилова, но и от Временного правительства и от всех, его идеям следующих социалистических партий; но что таким этот комитет станет только тогда, когда мы все от мала до велика скажем, что это — наше детище. Когда мы все вокруг него объединимся и, поскольку он окажется подлинно революцион-

ным инициатором в нашем общем деле, будем поддерживать его не на словах, а на деле, революция завершит свое шествие.

Я изложил многочисленному собранию в сокращенной форме программу действия этого комитета.

Из толпы раздались крики: «Да здравствует революция!» И крики не застрельщиков, которыми в подобные моменты политики пользуются обыкновенно, крики, истинно народные, идущие из самых глубин народной души.

- Что ж, товарищ Нестор, — раздались голоса, — готовиться в поход на соединение с городскими тружениками, что ли?

Но я осветил им пункт из программы действий комитета, в котором говорилось, что крестьяне по сотням, а рабочие по заводам и мастерским должны обсудить наше постановление и завтра (30 августа) прислать через уполномоченных свое окончательное решение о нем.

Этим закончился день 29 августа. Тяжелый день по своим известиям о движении генерала Корнилова. Но зато он толкнул массы к инициативе и революционной самодеятельности. И там, где среди тружеников были революционеры, которые знали, какая перед ними должна стоять задача в такие моменты, там предпосылки к назревшим событиям были вовремя сформулированы и трудовые массы их использовали в своей прямой борьбе.

На другой день рано утром я шел по Соборной площади Гуляйполя. Группы рабочих из заводов и крестьян из сотен под черными и красными знаменами с песнями подходили к улице, ведущей к зданию Совета крестьянских и рабочих депутатов, в котором поместился Комитет защиты революции. Я перебежал через двор училища и еще другой двор и вбежал во двор Совета, чтобы встретить манифестантов. Когда я показался перед манифестантами, раздался громовой крик: «Да здравствует революция! Да здравствует неизменный ее сын, а наш друг товарищ Махно!»

Эти крики были для меня лестными, но я чувствовал, что не заслужил их от тружеников. Я остановил восторженные, награждающие меня столь дорогими и сильными эпитетами крики и попросил выслушать меня. Но меня подхватили на руки и продолжали кричать: «Да здравствует революция! Да здравствует Махно!»

Наконец я упрямил манифестантов выслушать меня, и когда воцарилась тишина, я спросил их, в честь чего они бросили работу и пришли к Комитету защиты революции?

- Мы пришли в распоряжение комитета, — последовал ответ, — и мы не последние.
- Значит, есть еще порох в пороховницах?!
- Есть, есть и достаточно есть! — кричали манифестанты в ответ мне.

Я начал было терять равновесие, чуть-чуть было не прослезился от радости за широкий размах украинской рабочей и крестьянской души. Передо мной предстала крестьянская воля к свободе и независимости, которую только ширь и глубина украинской души могут так быстро и сильно выявлять.

Первыми моими словами к манифестантам были: «Так слушайте же, товарищи; если вы пришли в распоряжение Комитета защиты революции, то предлагаю вам разбиться на группы в десять -пятнадцать человек, с расчетом по пять человек на подводу, и не медлить ни одного часа — облететь весь Гуляйпольский район помещичьих имений, кулацких хуторов и немецких богатых колоний и отобрать у этой буржуазии все огнестрельное оружие, как то: винтовки, централки, дробовые простые ружья, да из холодного — шашки. Ни пальцем, ни словом не оскорблять самой буржуазии. . . С революционной отвагой и честью мы должны это сделать в интересах революции, против которой вожди буржуазии, пользуясь попустительством революционеров, сорганизовали под крылышком Временного правительства свои силы и уже начали действовать оружием. . .»

Итак, оружие у буржуазии отобрано и роздано по рукам революционных крестьян. Отобрание произведено спокойно, без жертв.

Открылся съезд Советов, который созывался, чтоб разобрать причины, породившие движение генерала Корнилова, и уяснить его цель.

Избрание Гуляйпольским Советом и другими организациями Комитета защиты революции, как и все действия их до этого, съезд приветствовал, выражая свое убеждение, что настал час действовать.

Разбирая вопрос корниловского похода на Петроград, который был уже отбит, съезд еще раз подчеркнул, что считает преступлением разрушение внешнего фронта, и призывал всех трудящихся в корне убить корниловщину на местах. Он решил вместе с тем поддерживать внешний фронт, как необходимый для защиты революции от внешнего врага. Коснулся и других вопросов, а именно: в первую очередь одобрил провозглашение отмены частной собственности в районе и коснулся земельного вопроса. Группа анархистов-коммунистов предложила съезду свой доклад по этому вопросу. Съезд его заслушал из уст Крата и Андрея Семенюты. Доклад этот в своих основных чертах заключался в мерах практической ликвидации помещичьего и кулацкого права собственности на землю и на те роскошные большие усадьбы, которых они своим трудом не могут обслужить. Группа предлагала немедленно отобрать земли и организовать по усадьбам свободные сельскохозяйственные коммуны, по возможности с участием в этих коммунах и самих помещиков и кулаков. А если последние откажутся стать членами семьи свободных тружеников и пожелают сами индивидуально трудиться на себя, тогда определить им по трудовой норме из находящегося в их распоряжении народного богатства и дать им возможность жить за счет своего труда, обособленно от свободных сельскохозяйственных коммун остальных тружеников. . .

Однако, несмотря на это очевидное самосознание тружеников, самосознание, открывавшее им путь к полной духовной и материальной свободе и независимости от власти — к свободе, которую трудящиеся стремились обрести за какую угодно цену своей кровью, почувствовать ее в себе, под собой и вокруг себя, чтобы выявить свои социальные силы на пути к безвластному обществу, — я говорю, несмотря на весь этот могучий, сильно проявляющийся трудящимися принцип уничтожения частной собственности на землю, фабрики и заводы, провозглашенный Гуляйпольским Комитетом защиты революции и подтвержденный районным съездом трудящихся, провести практически и полностью в жизнь не удалось.

Временное правительство, имея у себя за спиной «керенщину» (правую эсеровщину и меньшевизм), а через нее и государственный аппарат на местах, войска, стоявшие в стороне от дел трудящихся Гуляйпольского района и не знавшие их революционных целей, повлияло на район и осадило порыв трудящихся, опередивших программы этих партий своими требованиями свободы для жизни и плодотворного творчества, и не допустило воплотиться в жизнь здоровому начинанию. И права буржуазии позорно восторжествовали (правда, временно) над революционными массами труда. Этому ревностно содействовали люди, шедшие под флагом социализма, люди, игравшие в социализм.

Трудящиеся Гуляйпольского района в своем дерзании стать полными хозяевами свободы и счастья в жизни на сей раз ограничились лишь тем, что за аренду помещикам не платили денег, взяли землю в ведение земельных комитетов, а над живым и мертвым инвентарем до весны поставили своих сторожей в лице заведующих, чтобы помещики не распродали его. Да удержали за собой контроль над производством. . .

Районный съезд земельных комитетов выделил ряд помещичьих имений для организации в них из добровольцев сельскохозяйственных коммун.

Трудовое крестьянство и рабочие, кто индивидуально — своей семьей — или сообща с соседями, по характеру подходящими, организовавшись в небольшие — в 50 -200 человек — свободные сельскохозяйственные коммуны, с радостью на лицах свободно обсуждают между собой, как они ожидают весны, чего и поскольку будут засеять из весенних яровых хлебов, какие из них дадут надлежащий урожай и, следовательно, помощь революции, если погода будет хорошая, не сухая, а с дождями, которые нашему чернозему нужны в определенное время весны и первого и второго месяца лета.

Только полный засев земли хорошим зерном яровых хлебов и хороший их урожай помогут нам оправиться от военной разрухи и поддержат силы революции в ее лучших для нас, тружеников, делах, говорили в это время крестьяне.

Отзвуки Октябрьского переворота в Петрограде и Москве, а затем и во всей России к нам на Украину дошли лишь в конце ноября и начале декабря 1917

года.

До декабря 1917 года украинские труженики села и города знали об Октябрьском перевороте по воззваниям Всероссийского Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, Совета Народных Комиссаров, революционных партий и групп, из них в особенности двух партий: партии большевиков и партии левых социалистов-революционеров. Ибо они, эти две партии, наиболее удачно извлекали для своих целей пользу из русской революции этого периода. Почву для этого грандиозного революционного выступления рабочих и солдат по городам, а крестьян по деревням против Временного правительства, против его бездарных политических изгибов и влияний, позорных, но бессильных атак на революцию подготавливали все революционные группировки, какие только русская революция могла вмещать в самом широком по заданиям русле. Но эти две партии: первая — хорошо организованная, а вторая — покорно шедшая на поводу у мудрого Ленина — подошли вовремя и умело к трудовым массам и, ложно увлекая их лозунгами: «Вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов на местах!», щедро приветствуя тут же массу за ее лозунг «Земля — крестьянам, фабрики и заводы — рабочим!» — оседлали революцию и, имея в избытке в своем распоряжении бумаги и печатные машины, засыпали города и деревни своими воззваниями, декларациями и программами.

Анархисты играли в этом перевороте в Петрограде, Москве и ряде других промышленных городов особо выдающуюся роль в авангарде матросов, солдат-армейцев и рабочих. Но, будучи дезорганизованы в своей политической целостности, они не могли сравниться по своему революционному влиянию на всю страну с этими двумя политическими партиями, под руководством того же мудрого Ленина составившими политический блок и определенно знавшими, за что им надлежало прежде всего в эти дни и месяцы взяться и с какими силами и энергией. Их голос мощно и вовремя раздавался по всей стране с определенными и четкими выявлениями перед трудовыми массами их вековых чаяний — завоевания земли, хлеба и воли. Анархисты же, будучи разобщены организационно, не успели даже показать массам всю неискренность и ложь этих двух революционных политических партий, строящих свое господство над революцией, пользуясь лозунгами, по своей антигосударственной сущности чуждыми их государственным идеям.

Трудовые массы за период контрреволюционных деяний Временного правительства и его прямых агентов — правых социалистических партий и кадетов видели в лице большевиков и левых социалистов-революционеров борцов за цели труда. Того, что они полны политического лукавства, массы сами не замечали. Толкнуть их на то, чтобы они серьезнее к этим партиям присмотрелись, могли только революционные анархисты: анархо-коммунисты и анархо-синдикалисты. Но анархисты по старой традиции до революции не заботились о создании каждой группировкой своей мощной организации. А в дни револю-

ции необходимая работа — одних среди рабочих, других за пером и газетой — не позволила им серьезно подумать о своей расхлябанности и положить ей конец созданием такой организации, с помощью которой можно было бы влиять на ход революционных событий в стране.

Правда, некоторое время спустя анархистские федерации и конфедерации родились. Но октябрьские события показали, что они не справились со своим делом. Казалось, что чуткие анархисты — коммунисты и синдикалисты должны были быстро взяться за переоценку форм своей организации, сделав их более устойчивыми и соответствующими социальному размаху революции.

Увы! Этого не случилось! И из-за этого, и из-за ряда других не менее важных причин анархическое движение, столь живучее и полное революционного пафоса, очутилось в хвосте событий и временами чуть не отрывалось даже совсем от них, будучи бессильным пойти самостоятельным путем, оплодотворяя революцию своей идеей и своей практической, политической тактикой.

Итак, октябрьские революционные события, события, проложившие путь к началу Второй Великой Русской революции, реально начали выявлять себя на Украине лишь в декабре 1917 года.

За время от октября до декабря на Украине по селам и городам произошла реорганизация общественных комитетов (этих территориальных единиц) в земские управы. Правда, участие трудящихся в этой реорганизации было очень слабо и носило характер формальности. Во многих районах крестьянские представители в общественных комитетах в земские управы не пошли. Во многих местах просто переименовывали Общественный комитет в земскую управу, не внося никаких изменений в его структуру. Но формально по всей стране территориальной единицей считалась земская управа.

Часть рабочих по городам мало-помалу вступила на выжидательный путь.

«Крестьяне находили момент самым удобным, чтобы ниспровергнуть власть и взять всю общественную судьбу в свои руки. С этой стороны крестьяне в Запорожье и Приазовье рассматривали Октябрьский переворот в Петрограде и Москве, распространявшийся по всей Центральной России в форме вооруженных атак против сторонников «керенщины», как начало того, что сами они проводили у себя на местах еще в августе и сентябре 1917 года. И поэтому приветствовали его, стараясь расширить для него пути у себя на местах. Других мотивов, которые бы роднили крестьян и ту часть рабочих, которая осуждала всякое выжидание и действовала с Великим Октябрем, не было. Только с этой стороны Октябрьский переворот в его воззваниях и газетах был встречен радостно украинскими революционными тружениками подневольной деревни и поработанного города. То обстоятельство, что этот революционный переворот привел к власти партию большевиков и левых социалистов-революционеров, не обольщало украинских революционных тружеников. Сознательные крестьяне и рабочие видели в этом новый этап вмешательства власти в революционное творчество тружеников на местах и, следовательно,

новую войну власти с народом.

В массе же своей украинские труженики, подневольной деревни в особенности, смотрели на эту новую революционно-социалистическую власть как на власть вообще, которую они тогда только замечают, когда она их грабит разными налогами да набирает рекрутов в солдаты или при других каких-либо насильнических ее действиях, которые встряхивают их тяжелую трудовую жизнь. Очень часто можно было услышать среди крестьян их настоящее мнение о дореволюционных и революционных властях. Они говорили как будто шутя, но в действительности самым серьезнейшим образом и всегда с особой болью и ненавистью, что дурака Николку Романова от власти прогнали, второго дурака начал было разыгрывать из себя Керенский; теперь и этого прогнали. Кто же после него начнет разыгрывать в наш век, за наш счет этого дурака?

- Володька Ленин! — говорили одни.

Другие говорили: без «дурака» не обойтись. (Причем под словом «дурак» они разумели всегда только власть.) Город для этого только и существует; его идея и система дурная: город вызывает к жизни этого «дурака», говорили крестьяне.

В действительности мудрый Ленин правильно понимал город. Поставил на пост этого «дурачка» под флагом диктатуры пролетариата — группу лиц, возомнивших о себе как о знающих эту роль, лиц, способных на что хотите, лишь бы быть на посту властелина и навязывать свою подчас дурную волю другому человеку и целому роду человеческому. Мудрый Ленин сумел вознести роль «дурака» на необыкновенную высоту и этим соблазнить не только учеников симпатичнейшей по своей исторической революционно-боевой деятельности политической партии — левых социалистов-революционеров, превратя их в своих недоучек, но и некоторых анархистов. Правда, дети старой партии социалистов-революционеров — левые социалисты-революционеры через 7-8 месяцев своего лакейства перед мудростью Ленина опомнились и стали в оппозицию этой мудрости вплоть до вооруженного выступления против нее, но это не изменяет нами отмеченной истины о них.

Как к самой идее Учредительного собрания, так и к выборам его делегатов наша группа относилась отрицательно. Под влиянием агитации группы трудовое население района в большинстве своем тоже отрицало самую идею Учредительного собрания, однако не все это большинство трудового населения бойкотировало выборы. Это объясняется тем, что социалистические партии — левые и правые эсеры, социал-демократы-большевики, меньшевики и сильная партия кадетов — повели бешеную агитацию по всей стране за списки своих кандидатов. Под влиянием этой их агитации трудовое население страны разбилось на ряд группировок, совершенно разорвав свое единство, даже в вопросе о социализации земли. Кадетам и меньшевикам-эсдекам, которые

в то время стояли за передачу земли за деньги, это было на руку. Наша группа, следя за всеми действиями упомянутых партий, действиями, разрушавшими единство тружеников всей страны, предпочла кадетам и эсдекам эсеров и большевиков и в пользу этих последних воздержалась в это время от активной борьбы за бойкот выборов, предоставив своим членам, выступавшим на митингах и собраниях, устраиваемых этими партиями, разъяснять трудящимся, что если кто-либо из них верит в идею Учредительного собрания и желает участвовать в выборах делегатов в него, то тогда нужно голосовать за социалистов-революционеров (левые и правые эсеры выставляли один список, ? 3) или за большевиков — список ? 9. И хотя выборы происходили на Украине с многочисленными списками кандидатов, но привлекали трудящихся три из них: ? 3 — социалистов-революционеров, ? 5 «украинский», т. е. сброд социалистической, шовинистической и национальной мешанины, и ? 9 — большевистский. Списки эсеров и большевиков (? 3 и ? 9) имели колоссальный успех там, где трудовое население участвовало полностью в выборной кампании. ? 5, «украинский» список, имел меньше успеха на Левобережной Украине, чем любой из двух предыдущих (? 3 и ? 9) списков.

Правда, успех левых социалистических партий в выборной кампании объясняется, с одной стороны, тем, что украинский трудовой народ, не изуродованный политикой шовинистов, сохранил в себе свои природные своеобразные революционные черты и голосовал за революционные партии. С другой стороны, объясняется это еще и тем, что идея украинского освободительного дела строилась не на трудовом и социальном самоопределении Украины, а на буржуазно-национальном, причем и эта неприемлемая для двадцатого века идея буржуазии проводилась в жизнь ненормально и безответственными людьми, даже когда они натягивали на себя социалистические ярлыки и стремились говорить по-социалистически. От этого суть дела не менялась: вопрос «украинского освободительного дела» оставался замкнутым в крайне шовинистические рамки. Сами главари его, за исключением двух-трех человек, в конце концов тоже продавшихся немецкому юнкерству в совместном походе против революции, представляли собой крайне разношерстный элемент, и это привело в ряды «украинского освободительного дела», даже на руководящие его посты, людей, которые могли говорить по-украински, но которым не место было в рядах украинского освободительного движения. . . .

К первым числам декабря в Екатеринославе фактически торжествовал уже блок большевиков и левых социалистов-революционеров. Гуляйпольский район, признавая эти партии за революционные, тут же безошибочно определил степень их революционности.

Трудящиеся говорили: мы считаем большевиков и левых социалистов-революционеров революционерами за их активную деятельность в революции. Мы приветствуем их как стойких борцов. Но мы опасаемся их как властников, ибо они, восторжествовав за счет наших сил над буржуазией и поддерживав-

шими ее в ее стремлениях разбить революцию правыми социалистическими группировками, сразу выдвинули свою власть, от которой попахивает властью вообще, которая веками нас душит, властью, которая что-то мало видно, чтобы стремилась использовать свое торжество для водворения в жизнь идеи трудящихся самоуправляться у себя на местах без приказа и указа начальников. Везде учреждаются комиссариаты. И комиссариаты эти больше с полицейским лицом, чем с лицом равного брата, стремящегося нам объяснить, как лучше было бы устраиваться нам самим самостоятельно, без окриков начальников, которые жили на нашей шее до сих пор и не принесли нам ничего, кроме вреда. А раз этого стремления со стороны революционной власти не видно сейчас, раз вместо него учреждаются полицейские институты, из которых вместо совета сыплются окрики начальства, то в будущем его совсем не увидишь. В будущем этот приказ для каждого инакомыслящего и не в такт приказу ступающего по освобожденной земле явится смертью и разрушением его свободы и независимой жизни, к которой мы стремимся . . .

Труженики Гуляйпольского района определенно знали, что на декабрьском губернском съезде главную роль будут играть уже агенты исключительно большевистско-левоэсеровского блока, стремления которого нет-нет да и вскрывают его государственническо-властническую сущность. Поэтому крестьяне и рабочие Гуляйполя не раз говорили на своих собраниях о том, что нужно быть осторожными и не полагаться на блок революционных партий. От них попахивает чем-то специфическим, обращающим на себя особое внимание.

Крестьяне и рабочие узнали от своих делегатов, что большевик Эпштейн заявил на съезде: «Городской пролетариат пришел к власти, и нужно надеяться, что он создаст себе свое пролетарское государство. Мы, большевики, все силы отдадим ему на помощь созданию этого государства, так как только через него пролетариат достигнет максимума своего счастья . . .»

Трудящиеся Гуляйпольского района усмотрели в этих словах большевика, что партия большевиков обнаглеет и будет строить за счет крестьянства свое большевистское «пролетарское» государство, и напряженно следили за ходом событий в городах.

Крестьяне по селам снова взялись обучать друг друга, как нужно держать в руках винтовку и стрелять из нее.

День за днем в наш район доходили слухи, что Украинская Центральная рада не помирилась (из-за власти) с большевистско-левоэсеровским блоком и, втянув в свой партийный спор трудовые массы, затеяла на сцене революционных действий кровавую бойню. В Гуляйполе и в районе все чаще и чаще стали появляться десятками агенты Украинской Центральной рады, которые проповедовали «вічну боротьбу с кацапами».

Население района еще больше насторожилось. Со всех сел и деревушек района представители от крестьян ежедневно появлялись в Гуляйполе в бюро анархо-коммунистов — в Совете рабочих и крестьянских депутатов и, кровно

заинтересованные судьбами революции, советовались с анархистами и Советом о том, что придется предпринять в недалеком будущем, чтобы удержать свое право на землю, на хлеб и волю в жизни не урезанным программами того или другого правительства. . .

Будучи председателем Гуляйпольского районного Совета и имея от последнего полномочия действовать в области точного выяснения создавшегося тяжелого положения для революции, я послал двух членов в Одессу и Киев (область борьбы отрядов Украинской Центральной рады с отрядами большевистско-левоэсеровского блока). Когда ходоки возвратились и объяснили, что творится в этой области, был сразу же созван съезд Советов.

На этом съезде Советов района были разобраны все данные о действиях и Центральной рады, и большевистско-левоэсеровского блока, из которых ясно было, что, хотя Украинская Центральная рада и возглавлялась социал-революционерами и эсдеками, целью ее борьбы с большевистско-левоэсеровским блоком было не только изгнание «кацапів из рідной землі неньки України», но и подавление даже признаков социальной революции вообще.

Съезд вынес свою резолюцию: смерть Центральной раде.

31 декабря 1917 года я был по организационным делам в селе Пологи и получил из Александровска точные сведения о том, что между отрядами красногвардейцев группы Богданова и гайдамацкими частями Центральной рады идет бой в самом Александровске.

Момент был такой, что оставаться в стороне и только смотреть или слушать, что делается, нельзя было. Остаться нейтральным и к тем и другим тем более было невозможно, потому что население района было определено враждебно настроено против политики Украинской Центральной рады, агенты которой, разъезжая по району, травили всякого и каждого революционера, называя его «предателем неньки України» и защитником «кацапів», которых по «идее» Центральной Украинской рады (по выражению ее агентов), конечно, нужно было убивать, «як гобитилі в мови».

Такая идея оскорбляла крестьян. Они стягивали с трибуны проповедников и били как врагов братского единения украинского народа с русским.

Вот эта-то злопамятная проповедь шовинистов-украинцев толкнула трудовое население Гуляйпольского района на путь вооруженной борьбы со всякой формой обособленного украинства, ибо население видело в этом шовинизме, который фактически являлся руководящей идеей украинства, смерть для революции.

Как раз в то время, когда в Александровске был бой красногвардейцев с гайдамаками, по линии Александровск — Апостолово — Кривой Рог сгруппировалось несколько воинских казачьих эшелонов, которые снялись с внешнего фронта и направлялись на Дон к генералу Каледину. (Движение Каледина было, по существу, подлинным возвратом к старому монархическому строю. Оно шло под флагом независимости Дона, но вокруг него и в самом его серд-

це группировались черные силы русской реакции, ставившей своей целью руками казачества казнить революцию и восстановить дом Романовых. . .)

Со 2 января 1918 года заседание Гуляйпольского Совета крестьянских и рабочих депутатов с участием профессионального союза металлистов и деревообделочников и группы анархо-коммунистов тянулось круглые сутки. Горячо дебатировался вопрос о том, как быть, что предпринять немедленно, сейчас же, чтобы не пропустить казаков вооруженными на Дон к Каледину, ибо, соединившись с Калединым, они образуют фронт еще шире и серьезнее против революции, против всех ее прямых завоеваний, чего мы, крестьяне, допустить ни в коем случае не должны.

Это длительное и утомительное заседание Совета привело всех на нем присутствовавших к одной мысли: мы должны, невзирая ни на какие противоречия, вытекающие из того, что нам придется образовать единый фронт с государственниками, вооружаться и идти на помощь красногвардейским отрядам большевистско-левоэсеровского блока. Преданность безвластническим идеям нам поможет изжить все противоречия, и мы, разбив черные силы врагов революции, раздвинем ее берега шире и углубим ее на пользу всего угнетенного человечества.

3 января 1918 года командующий красногвардейскими отрядами Богданов обратился к крестьянам и рабочим с воззванием помочь красногвардейцам. В ночь на 4 января наша группа выпустила воззвание к крестьянам и рабочим, приглашая их взяться за оружие. В ту же ночь я передал свое председательствование в Совете товарищу, а сам стал во главе анархического отряда, объединившего вокруг себя несколько сот крестьян, и мы отправились в Александровск при полном вооружении. Помню, при нашем выезде из Гуляйполя отряд избрал по моей инициативе себе командира. Я отказался быть командиром, имея в виду, что мне придется в Александровске отрываться от отряда по вопросам организационной связи города с селом. Поэтому отряд избрал себе командиром моего брата, Савву Махно. Масса народу собралась возле отряда. . .

Мы по приезде в Александровск подняли шум: почему не разгружается от арестованных тюрьма, в которой так много сидит крестьян и рабочих, схваченных и посаженных только за то, что не уважали ни власти Керенского, ни власти Центральной рады и, как нам один из большевиков объяснил, не освобожденных до сих пор за то, что они будто бы способны не уважать и власти большевистско-левоэсеровского блока.

Посоветовавшись с рабочими, которые сообщили нам об этих арестованных и томившихся за решеткой узниках, мы пришли к тому, чтобы представитель от нас пошел в ревком и там настоял на разгрузке тюрьмы. Если ревком откажется, мы проектировали силой раскрыть ворота тюрьмы и, освободив всех в ней томившихся, сжечь самую тюрьму.

Итак, меня отряд делегировал в ревком, а последний уполномочил меня, ле-

вого социалиста-революционера Миргородского, эсера Михайловского и других разгрузить тюрьму. Пошли в тюрьму, осмотрели, выслушали заявления арестованных. Вышли из корпуса в контору, обменялись мнениями и разошлись. Не все собрались: самого главного не было — большевика Лепика, которому уже тогда, за кулисами, в большевистских кулуарах, был предназначен пост председателя чеки, но от нас это пока скрывалось.

Мне лично, сидевшему два раза в этой тюрьме, знавшему, какая она грязная и тяжелая, больно было выходить из ее ворот, не освободив никого. Но я ограничился только упреками по адресу Лепика, вышел вместе с товарищем Миргородским из ворот, сел на извозчика и возвратился в ревком. . .

Однако после обеда мы собрались все и решили взяться за дело. Тюрьма была разгружена от арестованных. . .

Я говорил своим товарищам, что для революции было бы лучше, если бы большевики и левые эсеры не создавали блока, ибо среди них нет той идеи, которая удержала бы их от стремления властвовать над революцией, и это их в конце концов столкнет между собой, и они своим взаимоистреблением принесут много зла для революции. Уже теперь, говорил я друзьям, видно, что свободой пользуется не народ, а партии. Не партии будут служить народу, а народ — партиям. Уже теперь мы замечаем, что во многих случаях в делах народа упоминается лишь его имя, а вершат дела партии. Народ знает лишь одно — слушать, что правители ему говорят!..

В Федерации анархистов не все об этом знали. Поэтому когда узнали, то просили, чтобы я им объяснил причину или цель моего выхода из революционного комитета. В это время были также некоторые рабочие, сочувствовавшие левым эсерам. Они-то более всего просили меня сказать им, почему я ухожу из революционного комитета и покидаю Александровск.

Пришлось им повторить то, что многим я говорил наедине. Я им сказал, что, на мой взгляд, большевистско-левоэсеровский блок уже дал трещину в своем единстве, и это, заметьте, тогда, когда он еще только составился. Причина этому, по-моему, с одной стороны, историко-философское расхождение эсеровщины с марксизмом, с другой — тщеславие, толкающее одну партию опережать другую в своем разнузданном стремлении властвовать над революцией.

Для меня лично абсолютно верно то, что недалеко то время, когда эти две ныне царствующие в стране партии не помирятся, столкнутся на своем пути и начнут друг друга уничтожать, казня вслед за этим революцию и все лучшее в ней. Так какого же черта мне тратить здесь свои силы, когда я вижу начало подлинной революции в деревне. Крестьяне осознают себя, они проявляют свою волю к борьбе за идеал справедливости, им нужно помочь в этом, кричал я разъяренный, а товарищи еще больше удивлялись. . .

С большим риском я решил предложить группе обсудить следующее. В Гуляй-поле был коммерческий банк, которого мы сознательно пока что не конфис-

ковывали, деньги которого находились в Александровском государственном казначействе, но канцелярскими работами он еще занимался, надеясь и после Октябрьской революции развернуть свою работу для наживы бездельников . . .

Все время революции кредитный банк в Гуляйполе спекулировал и мародерствовал за счет труда. По праву он должен бы быть давно экспроприирован и передан в общий фонд труда. Ни коалиционное правительство Керенского, ни большевистско-эсеровское правительство этого сами до сих пор не сделали и мешают сделать это самому революционному народу. Поэтому я предлагаю, чтобы Гуляйпольский районный революционный комитет постановил не считаться с правительством большевиков и левых эсеров и потребовать от правления банка внести в революционный комитет на революционные цели в 24 часа двести пятьдесят тысяч рублей. Эта резолюция была принята без прений, единогласно.

На другой день я зашел в банк и объяснился по этому постановлению с директорами. Они попросили комитет продлить срок взноса на три дня. Сами же собрали всех вкладчиков и с ними сообщая, при энергичном участии социал-демократа Збара, стоявшего за требование комитета, подписали свои пропорционально ими самими распределенные чеки. А кто не явился на это банковское собрание, тому дирекция банка послала своего агента вместе с членом революционного комитета, чтобы он подписал свой чек. В течение четырех дней чеки были собраны, а на пятый — член комитета с уполномоченным от банка поехал в Александровск и получил указанную сумму денег.

Так на первые шаги революционного дела, дела, открывающего путь борьбы за расширение, углубление и творческое развитие великой русской революции, которая находилась все время под гнетом власти, даже революционной, какой в это время была власть большевистско-левоэсеровского блока, революционный Гуляйпольский район трудящихся добыл себе денежные средства, нужные на литературу и разъезды пропагандистов и организаторов труда против капитала и власти . . .

В доверии друг к другу естественно рождался энтузиазм, в котором выявлялись воля и инициатива каждого члена группы. Группа направляла их на дело осуществления тех задач, которые она намечала. На этом пути заведующий продовольственной управой проявил максимум инициативы, и группа ее, как могла, использовала. Пользуясь официальными правами продовольственного органа, она решила завязать непосредственно от Гуляйпольского трудового района связи с рабочими мануфактурных фабрик Москвы и других городов и наладить обмен. Рабочие должны доставлять населению Гуляйпольского района нужную мануфактуру в указанном качестве, цветах и количестве, а район будет их снабжать хлебом и, по желанию рабочих, съестными припасами.

Серегин разослал по городам своих ходяков, сам бросался во все районы встречать рабочие делегации, разъезжавшие по стране под контролем правительственных продовольственников и чекистов, чтобы найти и закупить

себе хлеба.» В течение двух недель он завязал связи с рабочими Прохоровских и Морозовских мануфактурных фабрик. Они по-товарищески условились на началах взаимного братского понимания своих трудовых нужд в жизни и борьбе за независимость о следующем: свободное трудовое общество снабжать взаимно — крестьяне рабочих хлебом (в муке) и съестными припасами, рабочие крестьян — нужной мануфактурой. . .

Крестьянский сход выразил этой идее особое сочувствие, не задумываясь над тем, что все, что крестьяне пошлют рабочим в обмен на мануфактуру, правительственные агенты в пути конфискуют. Крестьяне помогли продовольственной секции в течение нескольких дней собрать и нагрузить несколько вагонов для спешной отправки ее рабочим мануфактурных фабрик.

Группа анархистов-коммунистов выделила для сопровождения этих вагонов к месту назначения вооруженный отряд во главе с товарищем Скомским. И мука, несмотря ни на какие умышленные задержки ее комендантами по центральным пунктам узловых станций и городов, была доставлена на место назначения.

А через неделю или полторы рабочие московских мануфактурных фабрик препровождали уже вагонами мануфактуру в Гуляйполе. Но по дороге заградительные отряды продовольственных правительственных органов ее задержали и направили в Александровск в продовольственную управу на том основании, что непосредственно, дескать, без разрешения центральной советской власти нельзя делать никаких товарообменов крестьян с рабочими. Для этого существует рабоче-крестьянская, да еще и «Советская» власть, а она таких примеров, чтоб рабочие имели без нее свои непосредственные связи и дела с крестьянами, еще не подавала. . . И при этом, конечно, неслась всевозможная брань по адресу трудящихся революционного Гуляйпольского района и работавшей в нем анархической группы. . .

Население требовало немедленного похода на город, чтобы разогнать засевших там ненужных, вредных для дела трудящихся правителей. Требование крестьян не было пустой фразой: трудящиеся в это время имели в своем распоряжении выделенные из своей среды кадры революционной молодежи, вполне достаточные для того, чтобы с боем занять Александровск и разогнать, если не перестрелять совсем, всех правительственных чиновников.

- Революция провозгласила принципы свободы, равенства и вольного труда, — говорили трудящиеся подневольной деревни Гуляйпольского района в это время, — и мы желаем видеть эти принципы в жизни, поэтому убьем всякого, кто попытается мешать нам. Правительство большевистско-левоэсеровского блока, несмотря на свою революционность, оказывается тоже вредным явлением в творческом развитии революции. . . Мы готовим смерть и для него или сами умрем в этой борьбе, но не потерпим над нашими правами на свободное совершенствование и развитие наших обще-

ственных отношений того угнетения, которое правительством намечается и которое его агенты стремятся воплотить в жизнь, чтобы восторжествовать и покорить революцию.

Через сутки Серегин сообщил в революционный комитет, что он получил от посланного им уполномоченного сведения о том, что конфискованная александровскими властями шедшая от рабочих московских мануфактурных фабрик в Гуляйполе мануфактура принята и уже прибыла на Гуляйпольскую станцию. Поэтому он созывает общий сход — собрание крестьян и рабочих, на котором он уполномочен просить крестьян помочь организовать перевозку этой мануфактуры в общий продовольственный склад, а также наметить дни и порядок раздачи мануфактуры среди населения в той ее части, конечно, которая выпадает на долю Гуляйполя. Серегин просил меня и других товарищей из революционного комитета и группы анархо-коммунистов прийти на этот всеобщий сход-собрание и помочь ему провести его в деловом порядке, чтоб не терять времени и выяснить положительные стороны товарообмена деревни с городом и начать этот товарообмен в более широком масштабе, а главное, распространить его на все отрасли потребления.

Всеобщее собрание крестьян и рабочих протекало под одним лозунгом, а именно: завязать товарообмен деревни с городом без посредника — политической государственной власти. Пример был налицо, что без посредника деревня лучше узнает город, а последний деревню. Это залог для успешного объединения двух классовых сил труда для единой цели — отнятия от государства всех функций социально-общественного строительства в целях совершенного упразднения государства со всеми его видами и формами власти. . .

Итак, мануфактура, пришедшая от городских фабричных рабочих к крестьянам в обмен на их трудом выработанные продукты продовольствия, была распределена среди населения Гуляйполя и района Гуляйпольским кооперативом и продовольственной управой. Районный Совет совместно с продовольственным органом сообща пришли к тому, что надо расширить и углубить идею товарообмена деревни с городом без посредников — государственных агентов и их чиновников.

Были посланы уполномоченные в ряд городов для выяснения разных вопросов, касающихся практических сторон товарообмена, а также и за продуктами. Тем временем население начало сбор пшеницы, муки и съестных припасов в общий продовольственный склад, который бы всегда имел свой общий фонд для товарообменных общественных дел. Однако на сей раз уполномоченные наши в большинстве своем возвратились из городов ни с чем. Власть большевистско-левоэсеровского блока по всем фабрично-заводским предприятиям категорически воспретила пролетарским объединениям иметь непосредственно какие бы то ни было организационные связи с деревней. Для этого существуют, дескать, пролетарские государственные организации: продорганы.

Они и позаботятся об объединении села с городом; они наладят по городам и деревням промышленность и сельское хозяйство и таким образом утвердят в стране социализм. Февраль — март: момент распределения отобранного у помещиков еще с осени 1917 года живого и мертвого инвентаря и выделения бывших помещичьих имений для поселения в них добровольцев, крестьян и рабочих, организовавшихся в сельскохозяйственные коммуны. Этот момент решительных действий и в области строительства новой жизни, и в области защиты этого строительства сознается всеми трудящимися района. Бывшие солдаты-фронтовики под руководством революционного комитета, занялись перевозкой и переводом в общий общественный фонд всего мертвого и живого инвентаря из помещичьих имений и богатых хуторов, оставляя их владельцам на каждого хозяина по две пары лошадей, по одной или по две коровы (смотря по количеству семьи), по одному буккеру, плугу, сеялке, косарке, веялке, а крестьяне вышли в поле закончить начатый осенью раздел земли. В это же самое время некоторые крестьяне и рабочие, организовавшиеся еще с осени в сельскохозяйственные коммуны, оставляя села и деревни, со всеми своими семьями выезжали в бывшие помещичьи имения, невзирая на то, что революционно-боевые красногвардейские отряды большевистско-левоэсеровского блока по договору с австрийскими и немецкими царями уже очищали Украину, предоставляя ее с ее малочисленными революционно-боевыми формированиями самой себе в неравной борьбе с регулярными воинскими австрийскими и немецкими частями и поддерживавшими их отрядами Украинской Центральной рады. Они поселялись там и, не теряя времени, приготавливали свои силы: частью на весенние работы в коммунах, частью в боевые отряды защиты революции и тех ее прямых завоеваний, которыми революционные труженики хотя и не повсеместно, но во многих районах шаг за шагом непосредственно овладевали и этим самым давали пример всей стране.

Сельскохозяйственные коммуны организованы были в большинстве случаев с крестьянами, в меньшинстве состав коммун был смешанный: крестьяне с рабочими. Организация их основывалась на равенстве и солидарности сочленов. Все члены этих коммун — мужчины и женщины — совершенно сознательно относились к делу, будь то в поле или на дворовой работе. Кухни были общие, столовая также. Пожелание того или другого члена коммуны готовить себе и детям отдельно от общей кухни или брать пищу из общей кухни, но есть ее в своей квартире, не встречало со стороны других членов коммуны никакого возражения.

Каждый член коммуны или целая группа могли устраиваться с пищей, как им казалось лучше, но они должны были об этом заявлять своей коммуне заранее, чтобы все члены ее знали об этом, так как это требовало известной переорганизации на общей коммунальной кухне и в кладовых. Практикою требовалось от членов коммуны также вовремя подыматься по утрам и управляться возле волов, лошадей и другой домашней худобы и с другими видами

работ. Каждый член коммуны всегда мог отлучаться из коммуны, но должен был предупредить об этом своего товарища, близко стоявшего к его коммунальному делу, чтобы тот за время его отсутствия мог справляться с его работой. Это во время работ. Во время же отдыха (днем отдыха считалось воскресенье) все члены коммуны чередовались в своих поездках на сторону.

Ведение хозяйства всей коммуны направлялось общими совещаниями всех членов ее. После этих совещаний каждый член, имевший свое определенное дело, знал, какие произвести в нем изменения и проч.

Лишь школьное дело коммун еще не было точно определено, потому что старого типа школу коммуны не желали восстанавливать. Из нового остановились на анархической школе Ф. Ферера (о которой часто доклады читала и о которой распространяла брошюры группа анархо-коммунистов), но, не имея подготовленных к ней людей, они старались через группу анархо-коммунистов вызвать для постановки этого дела более сведущих товарищей из городов, и в крайнем случае намечалось первый год обойтись тем, чтобы пригласить в свои коммунальные школы к детям учителей, знающих лишь методы преподавания школьных предметов.

Таких сельскохозяйственных коммун в семи-восьмикилометровом расстоянии от самого Гуляйполя было четыре. По району их было много. Но я останавливался на этих четырех коммунах, так как организовывал их сам непосредственно. Все их лучшие здоровые начинания проводились на моих глазах. В серьезных случаях — после совещания со мной. Одной из них, пожалуй самой большой, я уделял два дня в неделю своего физического труда: во время весенних посевов в поле за буккером или сеялкой, до посевов и по окончании последних; на домашних работах: на плантациях или возле механика электромашины и проч. Остальные же четыре дня недели я работал в Гуляйполе в группе анархо-коммунистов и в районном революционном комитете. Этого от меня требовали все члены группы и все коммуны. От них же требовал момент революции, диктовавший им свои условия стягивания и группирования революционных сил против надвигавшейся с запада прямой контрреволюции в лице немецких и австро-венгерских монархических армий и Украинской Центральной рады.

Во всех коммунах были и крестьяне-анархисты, но в большинстве своем члены их были не анархисты. Однако чувствовалась во всей их коммунальной жизни анархическая солидарность, которую могут выявлять в практической жизни только простые натуры тружеников, не вкусившие еще городского политического яда, от которого всегда несет затхлостью обмана и измены и которым дышат даже многие называющиеся анархистами.

Каждая коммуна состояла из десятка крестьянских и рабочих семей, насчитывая по сто, двести и триста сочленов. Эти коммуны взяли себе по трудовой норме земли, т. е. столько, сколько они могут обрабатывать своим трудом. Живой и мертвый инвентарь они получили тот, который в усадьбе был, по постановлению районных съездов земельных комитетов.

И свободные труженики-коммунисты под звуки свободных песен о радости, песен, отражающих собою дух революции, тех борцов, которые многие годы проповедовали ее и умерли или остались живы и непоколебимы в борьбе за ее «высшую справедливость», которая должна восторжествовать над несправедливостью, окрепнуть и стать путеводительницей жизни человека, заседали поля, расчищали сады и огороды, веря в самих себя, в свое искреннее и чистое намерение впредь не допустить более поселиться на завоеванной земле тем, кто никогда на ней не трудился, но по праву государства владел ею и стремился снова завладеть.

Население сел и деревень, расстилавшихся недалеко от этих коммун, в своей менее сознательной, еще не совсем освободившейся от лакейства перед кулаками, среде завидовало этим коммунарам, не раз высказывая желание отобрать у коммунаров весь живой и мертвый инвентарь, который достался им от бывших помещиков, и распределить его между собой. Пусть, дескать, свободные коммунары затем его купят у них. . . Но это поползновение абсолютным большинством тружеников на сходах-собраниях и на всех съездах резко осуждалось. Большинство трудового населения видело в организации сельскохозяйственных коммун здоровое начинание новой социально-общественной жизни, которое, по мере того, как торжество революции подойдет к своему творческому созидательному завершению, должно будет разрастись и дать толчок применению свободного коммунального образа жизни если не по всей стране, то во всем районе, в селах и деревнях.

Свободный коммунистический строй населением района принимался за высшую форму общественной справедливости. Однако переходить на него сейчас же население в массе не решалось, ссылаясь на наступление немецких и австрийских армий, на свою неорганизованность и беспомощность защитить этот строй от новых «революционных» и контрреволюционных властей. Благодаря этому трудовое население района ограничивалось в этой области дела подлинной революции лишь тем, что стремилось всячески поддержать в своей среде отдельных смельчаков, организовавшихся между собой и поселившихся в бывших помещичьих имениях, ведя свою личную и хозяйственную жизнь на свободных коммунистических началах.

Нашлась часть помещиков, кулаков-хуторян и немецких колонистов, которая поняла, что так или иначе, но остаться на долгие годы господами, владеющими тысячами десятин земли, эксплуатируя на ней чужой труд, им уже не удастся. Она сдалась сразу революции и занялась на общих основаниях, т. е. без батраков и без права сдавать землю в аренду, устройством своей общественной жизни. . .

В марте 1918 года город Киев и большая часть Правобережной Украины были заняты экспедиционными монархическими немецкими и австро-венгерскими армиями. По договору с Украинской Центральной радой, которая возглавлялась украинскими «социалистами» под председательством престаре-

лого украинского социалиста-революционера проф. Грушевского, эти армии вступили на революционную украинскую территорию и повели свое гнусное наступление против революции. При прямом содействии как самой Украинской Центральной рады, так и ее агентов, немецко-австрийско-венгерское монархическое командование установило по всей Украине свою шпионскую сеть против революции. Немецко-австрийско-венгерские экспедиционные армии и отряды Украинской Центральной рады были еще на правой стороне Днепра, как уже вся левобережная часть Украины кишела многочисленными их агентами, шпионами и провокаторами.

Трудящиеся Гуляйпольского района и самого Гуляйполя не знали в этот период того дня, в который не было бы митинга, где бы их не провоцировали в деле революции на пользу контрреволюции. Наводнение шпионами и провокаторами самой революционной части Украины, какой являлась ее левобережная часть, естественно объединило гуляйпольских украинских шовинистов в организацию «революционного» характера под знаменем социалистов-революционеров. Во главе этой организации стояли агроном Дмитренко, П. Семенюта (Рябко), А. Волох, Волков и Приходько. Четыре последних — прапорщики. Большинство из них крупные собственники-землевладельцы. Волков — владелец мануфактурного магазинчика . . .

С прославлением того, что немецко-австро-венгерские контрреволюционные армии с такими же контрреволюционными отрядами Украинской Центральной рады идут, рвут и топчут все живые силы революции, выступали гуляйпольские социалисты-«революционеры»-шовинисты на каждом митинге. А то, что революционные труженики их за это гнусное дело не преследовали, считая, что свобода слова, как и свобода убеждений, есть неотъемлемое право каждого человека, ободрило этих социалистов-«революционеров». И они созвали самостоятельно всеобщий сход-собрание гуляйпольских тружеников. Выступление социалистов-шовинистов на этом сходе-собрании обещало быть особенно интересным и сильным. Его организаторы темой своего выступления намечали выяснение вопроса: кто из гуляйпольских тружеников за Центральную раду (а следовательно, и за немецко-австро-венгерское юнкерство, ведущее шестисоттысячную армию против революции) и кто против нее? И если против, то под каким флагом? Все выступавшие ораторы изощрались в своих речах до пошлости. Никаких границ для лжи во имя «неньки Украины» с ее независимой государственностью, тюрьмами и тюремщиками с палачами.

Все: революция, свобода, все труженики села и города, бросавшиеся на встречу революции и, подхватив ее лучшие цели, развивавшие ее, — должно умереть.

В противном случае, говорили ораторы, социалисты-шовинисты, мы с нашими братьями-союзниками (имея в виду Вильгельма II немецкого и Карла австро-венгерского с армиями, умертвим все это силой.

Кто не сопротивляется могущественным армиям наших союзников, тех

немецкое командование при содействии Центральной рады . . . снабжает сахаром, мануфактурой, обувью, которые в тысячах поездов идут вслед за ними. Был период ужасного голода в этих предметах, говорили труженикам ораторы «социалисты».

Но кто сопротивляется, тем нет пощады! Села и целые города уничтожаются огнем, население их забирается в плен и десятый по счету расстреливается, а остальные . . . остальные понесут тяжелую кару за свою «зраду» (измену) от своих же «братив-украинцев» . . .

Услышав эти заявления, я внес предложение о том, чтобы все митинговые ораторы со стороны организаторов митинга придерживались в своих речах справедливых данных. Затем я обратился к гражданам с кратким словом пояснения положений, высказанных ораторами — сторонниками позорного союза Украинской Центральной рады с монархами, и сделал выводы из того, что говорилось этими ораторами и их оппонентами. И митинг окончился не в пользу его организаторов и всего того, что они выдвигали и защищали перед присутствовавшими на нем массами тружеников. Абсолютно подавляющим большинством голосов была вынесена резолюция, призывающая всех трудящихся к активной вооруженной борьбе против Центральной рады и ведомых ею немецко-австро-венгерских контрреволюционных армий.

Резолюция не удовлетворила организаторов митинга. Они упростили собрание проголосовать, под каким знаменем может быть проведена эта активная вооруженная борьба против Украинской Центральной рады и ее союзников, «братски протянувших ей свою руку в деле спасения Украины».

Собрание исполнило их просьбу, проголосовало . . . и в результате разделилось на три группы, одна из коих перешла на сторону организаторов митинга, следовательно, и Центральной рады. Другая приняла сторону левого эсера Миргородского. Третья осталась вокруг гуляйпольской крестьянской группы анархо-коммунистов.

При попытке сделать учет численности каждой группировки группа, перешедшая на сторону левого эсера Миргородского, слилась со сторонниками организаторов митинга вместе со своим «временным» лидером. Трудно было понять роль левого эсера Миргородского в данном случае. Попытались его запросить о его поведении, но он не нашел удовлетворительного для нас ответа и сознался в ошибке своего маневра лишь тогда, когда митинг кончился.

Однако и при объединении двух групп сторонники Украинской Центральной рады оказались в абсолютном меньшинстве. Резолюция, вынесенная гражданами, присутствовавшими на митинге, при первом же запросе их мнения была утверждена и пополнена еще более резкими порицаниями рады и шедших с нею немецких армий.

Тогда лидер украинской шовинистической организации, называвшейся организацией социалистов-революционеров, прапорщик Павел Семенюта-Рябко взобрался на трибуну и воинственно-поднятым голосом заявил трудящимся:

«Ну, ничего! Придет время, вы расклетесь. Но не всем будет прощено, в особенности анархистам. Недалек тот час, когда наша армия вступит в Гуляйполе: тогда мы поговорим с вами. Помните, что наши союзники-немцы сильны! Они помогут нам восстановить порядок в стране, и анархистов вы не увидите больше возле себя».

Эти истерические выкрики и угрозы возмутили всех тружеников, но анархисты — крестьяне Гуляйполя поспешили выступить с заявлением, что этот вызов прапорщика Семенюты принимают. Но мы просим, сказал один из анархистов, чтобы прапорщик Семенюта-Рябко пояснил эти надежды на то, что немцы помогут Украинской Центральной раде провести в жизнь страны свои законы и восстановить порядок, при котором анархистам суждено быть в тюрьме.

- Там будете проповедовать свои идеи! — воскликнул увлекшийся прапорщик.

В рядах слушавших его речь раздались голоса: «Гоните его с трибуны! Бейте его!»

Анархисты опять уполномочили одного из своих товарищей заявить всем присутствовавшим на митинге, что для них совершенно ясной стала теперь надежда украинской шовинистической организации на приход контрреволюционных немецких армий сюда, в Гуляйполе. С помощью этой грубой силы украинская шовинистическая организация задается целью «помститься» (отомстить) над революцией.

- Не над революцией, а над большевиками и анархистами! — раздался голос со стороны группы украинских шовинистов-«социал-революционеров», окружавшей своего лидера прапорщика Семенюту-Рябко.
- Ну так знайте же, господа шовинисты, мы, анархисты, будем реагировать на ваш гнусный вызов, — заявил секретарь группы анархистов. . .

Гуляйпольская крестьянская группа анархистов-коммунистов довела до сведения революционного комитета о том, что она объявляет террор против всех, кто осмеливается сейчас или готовится в будущем, после победы контрреволюции над революцией, преследовать анархическую идею и ее безыменных носителей. Первым шагом к этому группа считает убийство прапорщика Семенюты-Рябко, который был в момент этого второго группового заявления в комитете и ввиду неполучения своевременного от него ответа был убит членами группы. Весть об этом убийстве вызвала тревогу в революционном комитете. Каждый член комитета ходил, ничего не делая и ни с кем не говоря, словно пришибленный. Представители же группы спокойно взялись за работу.

После этого я пошел на заседание группы, где выступил за отмену объявленного террора и выслушал ряд укоров за это. Многие товарищи усматривали в моем выступлении защиту активных агентов контрреволюции и, не стесня-

ясь, высмеивали меня. Их дерзость меня злила, а самостоятельность радовала и сильнее давала мне чувствовать, что моя работа с молодыми членами группы даром не пропадает.

Но приведенные мною доводы «за» и «против» террора в конце концов были группой приняты за основу пересмотра объявленного ею террора, и в результате ряда заседаний и деловых товарищеских споров группа отменила свое предыдущее постановление о терроре и зафиксировала в своем протоколе, что, пока враги революции только кричат против нее и оружия в руки не берут, намеченные против них террористические акты отменить.

Молодые члены группы долго не хотели понять отмены этих актов. И не раз бросали в мою сторону, что «товарищ Махно хочет явных контрреволюционеров переубедить, чтобы они стали революционерами. Этим товарищ Махно может нанести тяжелый удар единству группы» и т. д. (. . .)

Однако момент был такой, что считаться с тем, что кто-либо выйдет из группы, ни в коем случае нельзя было. То был момент, когда контрреволюция, несомая на штыках немецких армий, уже определенно брала перевес над разрозненными защитниками революции — красногвардейскими отрядами. Следовательно, для такого района, как Гуляйпольский, который мог бы выставить большие силы для защиты революции, работа должна была вестись в другом направлении. В Гуляйполе нужно было еще сильнее и выпуклее утверждать межпартийный мир, равенство и свободу революционных мнений, потому что Гуляйполе в данный момент являлось базой формирования духовных и вооруженных сил защиты революции.

Наивные выкрики моих юных друзей по моему адресу меня поэтому не занимали. Передо мной встал во весь рост вопрос об организации вольных батальонов против Центральной рады и ее союзников — шестисоттысячной немецкой и австро-венгерской армии. . .

События разрастались. Немецко-австро-венгерские армии под предводительством генерала Эйхгорна подходили уже к городу Екатеринославу с одной стороны. С другой же, именно со стороны Кичкаса, бросали уже через Днепр снаряды по городу Александровску (в 80 верстах от Гуляйполя).

Красногвардейские отряды под командованием Егорова, а также многочисленные автономные отряды, которые от Егорова и начальника красных резервных войск Юга России Беленкевича получали только вооружение, а действовали на свой риск и страх зачастую на тех участках, где противника не было, все оттягивались в спешном порядке из-под Крыма в район Верхний Токмак — Пологи. Притом уже не могло быть и речи о том, чтобы эти части в нужный момент можно было выгрузить с эшелонов. Они были сняты с фронта преждевременно, и это отразилось на их боевом настроении. Теперь они говорили уже о глубоком тыле и таких железнодорожных узлах, как Ясноватая, Иловайск. Правда, через день-два эти части были продвинуты далее вперед навстречу противнику, который, кстати сказать, все еще был на правой стороне Днепра.

Ряд автономных отрядов и группа красногвардейцев большевистско-левоэсеровского блока героически отражали попытки противника переправиться через Днепр. Но силы их изнурялись без отдыха, без сна и с малым количеством запаса боевого снаряжения. Это вызвало тревогу в Гуляйполе, и во всем районе, а отсюда тревога эта передалась на все другие прилегающие к Гуляйполю районы.

Агенты наступавшей контрреволюции подняли выше головы и громче заговорили против Советов, против тружеников, видевших в революции свое освобождение и всем содействовавших ее развитию. Это обстоятельство отражалось тяжело на настроении тружеников. Во многих селах и деревнях чувствовалась растерянность, которая свойственна массе всегда, когда последняя не информируется вовремя о позиции, занимаемой ее революционно-боевым авангардом.

Растерянность в районе внесла дух слабости и колебания и в Гуляйполе. В это время дни и ночи происходили в Гуляйполе революционные совещания Советов крестьянских и рабочих депутатов, профсоюза, революционного комитета и группы анархо-коммунистов. Теперь все представители упомянутых организаций ждали моего совета. Они настойчиво добивались от меня, чтобы я сказал, что делать. А что я мог на эту тему в такой грозный момент сказать им, кроме того, что посоветовать взять себя в руки и связать свое решительное и сильное слово против контрреволюции с таким же решительным и великим делом. Я настоял перед представителями нашего чрезвычайного совещания о немедленном выпуске от имени представляемых ими организаций воззвания к трудящимся района с точным освещением положения дела революции и того, что нужно сделать, чтобы спасти ее.

Воззвание к трудящимся района было выпущено. В нем мы призывали к организации вооруженного выступления против фиктивной освободительницы тружеников — Центральной рады и шедших с нею немецких армий.

На зов этого решительного голоса из Гуляйполя отозвался весь район. Со всех концов сбегалась молодежь и старики к своим местным Советам и в само Гуляйполе, чтобы записаться и тут же стать в ряды вольных батальонов. Сами гуляйпольцы организовали свой гуляйпольский вольный батальон, составившийся из шести рот в 200 - 220 человек каждая. Еврейское население Гуляйполя выделило роту бойцов, которая тоже влилась в батальон. Группа анархо-коммунистов организовала из своих членов и кандидатов в таковые сильный, в несколько сот человек, вооруженный винтовками, револьверами и шашками отряд, причем половина отряда была уже на лошадях под седлами. Этот отряд был передан в распоряжение революционного комитета. Всем населением Гуляйполя было избрано главное командование со мной во главе. Учитывая всю важность того, чтобы командиром гуляйпольского вольного батальона был член революционного комитета, я выдвинул на этот пост матроса Полонского. Батальон его принял и утвердил своим командиром.

Гуляйпольская интеллигенция по инициативе всеми уважаемого в Гуляйполе доктора Абрама Исааковича Лося организовала санитарные отряды, подготовила здания под лазареты, распределила свои роли в деле медицинской помощи революционному фронту.

Я лично выехал на сутки в Пологи, в штаб начальника резервных красных войск Юга России Беленкевича. Я познакомил его с задачами Гуляйпольского революционного комитета в данный момент, осветил ему организацию дела защиты революции, которое Гуляйпольский революционный комитет и группа анархо-коммунистов выдвигают на первый план.

Беленкевич серьезно принял во внимание все то, что я ему изложил, и обещал через сутки приехать в Гуляйполе, где мы и выясним, чем он может помочь Гуляйпольскому революционному комитету и группе. Меня это не удовлетворило. Я настаивал, чтобы Беленкевич не откладывал своей поездки в Гуляйполе на сутки, а чтобы сегодня же дал мне ответ: может ли он снабдить организацию вольных батальонов вооружением?

Беленкевич, видя мое непреклонное желание скорее выяснить этот вопрос, прибыл в Гуляйполе вместе со мной в тот же день.

Убедившись на месте в справедливости моих слов в настаивании снабдить нас оружием, он обещал революционному комитету, что, как только возвратится в Пологи и посоветуется с кем следует в штабе, сейчас же сообщит комитету, чем штаб резервных красных войск может помочь революционному Гуляйполю.

По дороге из Гуляйполя в Пологи я завез Беленкевича в коммуны ? 1, повез его в поле, где работали свободные коммунары. Он наблюдал за их работой, расспрашивал их о том, что их толкнуло к такому образу жизни, и от восторга расчувствовался. . .

По дороге с поля на поздний полдник в столовую коммунаров Беленкевич мне пожал руку и сказал: «Я почувствовал к вам, товарищ Махно, особое доверие и говорю теперь, чтобы вы прислали сегодня ночью своих людей принять от моего штаба оружие, винтовки и пулеметы для вооружения организовавшихся гуляйпольцев. . .»

На другой день я с несколькими артиллеристами выехал на гуляйпольскую станцию, чтобы посмотреть, что получили из штаба Беленкевича для нас. Здесь мы увидели шесть орудий (из них четыре — французской системы, две русские гаубицы), три тысячи винтовок, к ним два вагона патронов и девять вагонов снарядов к орудиям.

Радости не было границ. И все, что было нужно в первую очередь, перевезли в революционный комитет, распределили по ротам. Мы готовились теперь уже окончательно к выступлению на фронт против Центральной рады и ее союзников — немецко-австро-венгерских монархов.

Отряд, организованный группой, был кавалерийский отряд. У красногвардейского командования кавалерии почти не было. Наш отряд скоро понадо-

бился на боеучасток Екатеринославского направления. Он в свое время был переброшен по моему распоряжению на боеучасток под Чаплино. Одновременно спешно подготовились к выступлению на фронт Гуляйпольский, Конско-Раздорский, Шанжаро-Туркеновский и другие вольные батальоны . . .

По дороге от Волновахи до Царевоконстантиновки вследствие отступления красногвардейских эшелонов я задержался на разных станциях лишних часа три-четыре . . . А по приезде на станцию Царевоконстантиновка мне принесли из Гуляйполя новые сведения, более тревожные.

Читаю: «Дорогой Нестор Иванович. Ночью под 16 апреля отряд анархистов ложным распоряжением за твоей подписью отозван из-под Чаплина и в дороге разоружен. В Гуляйполе все наши товарищи, все члены революционного комитета, Совет крестьянских и рабочих депутатов, арестованы. И сидят в ожидании выдачи их немецкому командованию и командованию Центральной рады для казни. Изменой руководят шовинисты А. Волох, Ив. Волков, Осип Соловей, начальник артиллерии В. Шаровский и другие . . .

Неизменно твой Б. Веретельник. 16 апреля. 9 часов дня».

В то время как я читал это письмо от товарища Веретельника, на станцию Царевоконстантиновка подошел отряд Марии Никифоровой. Я сообщил ей о случившемся в Гуляйполе. Она сейчас же вызвала к аппарату командира красногвардейского отряда некоего матроса Полупанова, который в это время завязал бой с мариупольскими якобы «белогвардейскими» голодными инвазидами. Никифорова предложила ему вернуться на Царевоконстантиновку, чтобы вместе повести наступление на Гуляйполе . . .

Никифорова и Петренко (командир сибирского отряда) решили вернуться на Пологи и силою занять Гуляйполе, чтобы освободить в нем всех арестованных анархистов и беспартийных революционеров, а также вывести обманутые вооруженные силы крестьян, если они пожелают, или увезти оружие, чтобы оно не досталось немцам.

За то время, пока эти командиры готовили свои отряды, а я метался по перрону, рвал на голове волосы и проклинал себя за то, что выслал из Гуляйполя на фронт первым отряд, организованный нашей группой, я получил третье письмо от товарища Веретельника.

В нем он сообщал мне: «Дорогой друг Нестор Иванович, подлые руководители измены чего-то испугались и освободили меня и товарища Горева с условием, правда, не выезжать из Гуляйполя. Мы, я и Горев, воспользовались случаем и устроили по сотням, в каждой роте и с участием стариков крестьян, митинг. В своих постановлениях крестьяне требуют от штаба измены немедленного освобождения всех арестованных, и в первую очередь анархистов. Наши товарищи все освобождаются . . .

Немцы приближаются к Гуляйполю. Наши товарищи группами скрываются. Крестьяне и рабочие спешно прячут винтовки, пулеметы и патроны и уезжают — кто в поле, кто в другие села.

Я с несколькими друзьями думал задержаться до последней минуты в Гуляйполе. Может быть, удастся убить Льва Шнейдера. Он во время ареста наших товарищей в бюро группы заскочил первый с гайдамаками в бюро, порвал знамена; порвал, потоптал портреты Кропоткина, Бакунина, Саши Семенюты. Этот позорный поступок его видели многие рабочие, крестьяне и крестьянки.

Я сам не видел еще Льва Шнейдера, но от многих уже слышал, какую подлую речь держал он перед гайдамаками. Правда, об этом будем говорить после. Смотри не вскочи в лапы немцев. Лучше воздержись от приезда в Гуляйполе. Теперь ты не поправишь здесь нашего дела: немцы заняли города Орехов и Покровское. Через два-три часа будут, вероятно, в Гуляйполе.

Мы тебя найдем.

Пока же будь осторожен.

Неизменно твой Б. Веретельник

16 апреля 3 часа дня»

Прочитав письмо товарища Веретельника, я сразу же побежал с ним к Никифоровой, а с нею к товарищу Петренко. Я прочитал им обоим письмо и высказал свое мнение, что наступать на Гуляйполе уже поздно. Немцы, очевидно, уже заняли его. А выбить их из Гуляйполя вашими отрядами нельзя, да и вообще допустят ли немцы нас в Гуляйполе? Ибо если верно, что они заняли город Орехов, то можно предполагать, что они подходят уже к Пологам; а если верно, что красногвардейцы оставили Чаплино и эвакуируют Гришино, то Гуляйполе находится уже в тылу немецкого фронта.

Товарищи Никифорова и Петренко, хоть и посмеялись надо мной, обозвав меня ничего не понимающим в деле их стратегии и не знающим боеспособности их отрядов, однако принуждены были в эту же минуту и в спешном порядке перевести паровозы своих эшелонов изпологовского направления по направлению станции Волноваха, а о Пологах и Гуляйполе перестали даже говорить со мной.

На мой вопрос: «Что за горячка у вас? Что вы, вероятно, получили какие-либо тревожные сведения об этом участке?» — Никифорова объявила мне, что немцы заняли станции Пологи и Верхний Токмак и отрезали по линии Верхний Токмак — Бердянск анархический отряд товарища Мокроусова. «Если хочешь, — добавила мне Никифорова, — то садись в мой вагон. Я сейчас делаю распоряжение эшелону двигаться дальше по направлению Волноваха — Юзовка». Тут же вполголоса, извинительно, полусмеясь, заявила мне: «Ты совершенно прав, с наступлением на Гуляйполе мы опоздали, все подступы к нему уже заняты немецкими войсками».

Однако продвигаться с отрядом Никифоровой в тыл я отказался, заявив, что я остаюсь пока что здесь; тем более что отряд Петренки решил продержаться здесь всю ночь. Я надеялся, что за это время кто-либо из гуляйпольских товарищей прибудет сюда. Я ведь еще при первом известии о том, что Гуляйполе предательски сдано, выслал от себя в Гуляйполе Александра Лепетченко

с определенным поручением: самому Лепетченко объяснить направление для отступления коммунарам и вместе с ними отступить. А товарищам Веретельнику, Гореву, Марченко, Полонскому, Калашникову, Петровскому, Лютому, Савве Махно, Т. Шепелю, М. Калиниченко, П. Сокруте и другим во что бы то ни стало поспешить покинуть Гуляйполе и пробираться к красному фронту. Я буду на фронте.

За это время, пока отряд Петренки оставался на станции Царевоконстантиновка, я встретился с рядом товарищей, остававшихся в Гуляйполе до вступления в него немецко-австро-венгерских войск с разведывательным отрядом в 40 -50 человек Украинской Центральной рады. Они сообщили мне о том, что за два дня моего отсутствия в Гуляйполе происходило. Со слезами на глазах они рассказали мне о гнусной измене нашего групповика Льва Шнейдера и вообще еврейской роты, обманутой штабом измены. . .

Рассказали мне эти товарищи также и о том, как вступали немецко-австро-венгерские войска и отряд Центральной рады в Гуляйполе и как их агенты — гуляйпольские граждане — прапорщики времен Центральной рады А. Волох, Ив. Волков, Л. Сахно-Приходько (социалист-революционер), Пидойма, Осип Соловей, Шаровский (эсер), агроном Дмитренко (эсер) и другие готовились к встрече немецко-австро-венгерских палачей революции, в надежде доказать им на примере, что и они душители революции и всего лучшего в ней. Они щирее щирых украинцы-патриоты, так сказать, «лучший цвет своего народа», сейчас, по примеру немецко-австро-венгерских солдат, оставивших своих отцов и матерей, жен и детей в своем родном краю голодными и холодными и пришедших сюда убивать людей. Они, поддерживая этих сознательных и бессознательных прямых убийц трудового населения Украины и разрушителей народного революционного дела, готовы сделать еще худшее, они готовы пойти в авангарде этих пришлых убийц и затопить его в крови, лишь бы сохранить за собой право на золотые погоны несчастных прапоришек, право собственности на землю, чтобы быть в почете у всемогущих, власть имеющих политических владык, предателями, прикрывающимися флагом социализма приведенных сюда, на революционную территорию, против революционных тружеников.

Эти глашатаи идеи оккупации революционной территории контрреволюционными немецко-австро-венгерскими армиями и следующего вслед за этой оккупацией истребления революционных тружеников при проходе по улицам Гуляйполя отдельных отрядов вышеупомянутых армий подвезли их командованию в подарок орудия, пулеметы и несколько сот винтовок.

Командование их поблагодарило за верность контрреволюционному делу.

Подлые глашатаи идеи оккупации, как и все, приспособившиеся вместе с ними к надвигающемуся режиму контрреволюционных банд, не скрывали своего восторга от благодарности сильных.

О, какой позор!.. Какую месть вызывают они в душе революционера. Мечь

всем и каждому, кто топчет право и разрушает волю, кто рвет и топчет жизнь социально замученного, политическим насилием изуродованного и духовно порабощенного трудового народа!

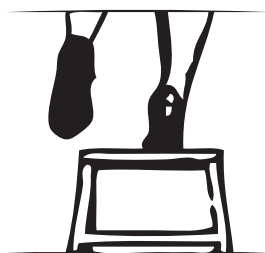
Нет! Больше не будет пощады врагам трудящихся. Да, да, пощады не будет никому на пути моей активной и по возможности полной деятельности в революции, говорил я тогда своим товарищам и так делал.

Это читатель увидит в последующих моих книгах.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

19 июня 2014

Нестор Иванович Махно
Воспоминания. Книга I. Русская революция на
Украине (от марта 1917 года по апрель 1918 года)
1936

Сохранено 12 июня 2014 года из <http://www.makhno.ru/lit/Makhno1/lit1.php>